

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Август 2010 г. № 10 (34)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Хребет Восточный Синий, Приморский край. Фото Ирины Банкрашковой

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Светлана ТИМИРГАЛИЕВА-ПРОКОФЬЕВА. (Проза)	3
Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель)	4
Георгий НАЗИМОВ. (Проза)	6
Григорий РЕЙНГОЛЬД. (Памяти свет)	8
Пётр ПУЗИН. (Из первых уст)	10
Василий ПОНОМАРЕНКО. (Поэзия)	11
Владимир МОНАХОВ. (Поэзия)	12
Александр ЕГОРОВ. (Поэзия)	13
Юрий ПАНЧЕНКО. (Записки капитана дальнего плавания)	14
Иван ШЕПЕТА. (Поэзия)	16
Марина ЗАЙЦЕВА. (Поэзия)	17
Владимир ТЫЦКИХ. (Поэзия)	18
Нина СЕМЁНОВА. (Конкурс «Шумит волна...»)	19
Алексей КАРЛИН. (Автоклуб)	22
Сергей ЮДИНЦЕВ. (Эхо прошлого века)	24
1 августа – день памяти преподобного Серафима Саровского. (Неопалимая купина)	26
Борис ТИМОФЕЕНКО (Проза)	27
Медали – коллегам. (Публицистика)	28

Взгляд в будущее

В один из июльских вечеров в редакцию «Литмеридиана» позвонила подписчица и нетвёрдым голосом произнесла: «Вы знаете, а «Литературный меридиан» я больше выписывать не буду. Мне очень нравятся публикуемые стихи и проза известных авторов, но ещё больше хочется, чтобы и мои произведения печатались чаще, как можно чаще!» И положила трубку.

Я задумался: что же случилось? Не я ли неосторожным словом или необдуманным поступком обидел женщину? Или тщеславие помешало ей продлить подписной абонемент?

Ни в коей мере не оправдывая собственные ошибки, всё же не могу не привести изречение, порядком набившее оскомину: себя ли мы любим в литературе или литературу в себе?

К примеру, я не первый год выписываю и читаю столичный литературно-критический журнал «Литературная учёба», а опубликовали в нём лишь небольшую мою статью и – единственный раз. Наверное, мне нужно забросать редакцию «ЛУ» гневными письмами, потребовать объяснений, потребовать опубликований в каждом номере?

Слова, слова...

Слова – продолжение наших мыслей. А мысли рождаются в наших сердцах. И ни от кого, кроме нас самих, не зависит, какие мысли мы трансформируем в слова и подарим людям – близким и не очень, друзьям и соперникам...

Заканчивается пора отпусков, путешествий к морю и удивительных летних встреч. Ежемесячник «Литературный меридиан» объявляет о начале подписной кампании на следующий, 2011 год. В **августе** и **сентябре** мы предлагаем всем желающим оформить подписку **по льготным ценам**: полугодовой абонемент – **260** рублей, годовой – **460** рублей.

Редколлегия «ЛитМ» делает всё возможное, чтобы наш ежемесячник оставался доступным для подписчиков.

Многие из вас, дорогие друзья, живут в живописных местах, многие – бывают в отпусках и командировках в ближнем и дальнем Зарубежье. Пожалуйста, присылайте электронные версии фотографий достопримечательностей, которые вам посчастливилось увидеть, мы с радостью опубликуем их в нашем ежемесячнике!

Также сотрудники редколлегии будут признательны за присланные вами графические работы. Многие читатели и критики отметили рисунки **Светланы Шкляевой** из Владивостока и **Андрея Кислова** из Арсеньева. Спасибо!

Владимир Костылев

Светлана ТИМИРГАЛИЕВА-ПРОКОФЬЕВА,
г. Москва

Жестокость

Когда я переехала в этот дом, радовалась клену у окна. Красавец, высотой в несколько этажей, он огромной веткой закрывал оконную раму.

Ночью я слышала шепот его листьев, а утром – тихое постукивание ветви по стеклу. Я открывала окно: «С добрым утром, клен! Мы начинаем новый день. Все у нас с тобой хорошо». И ветвь доверчиво прикасалась к моим ладоням. Весной я видела, как клен просыпался после зимнего сна, и из почек рождались трепетные листочки. Летом тихий теплый дождик умывал их, а лукавый ветерок играл с ними. Золотой осенью они покидали дерево и отправлялись в коротенькое путешествие к земле. И я любовалась их замедленным полетом и шуршащим приземлением и приносила домой несколько кленовых листьев, раскрашенных Осенью во все цвета. Зимой, когда легкие искрящиеся снежинки надевали на ветви белые пушистые шапки, клен завораживал торжественной красотой.

И этот день начинался, как всегда: «С добрым утром...» За окном пусто. Лишь неприятно белеет сук со следами безобразного слома и с капельками влаги.

Клен плачет ...от боли. Я смотрю на слезоточивую рану дерева, и мне тоже больно. И еще обидно оттого, что ничем не могу помочь моему зеленому другу.

Отломанная ветвь лежит на земле. Она по-прежнему красива и пушиста: ее листьев не коснулось увядание.

По моим щекам, как и по стволу клена, догоняют друг друга слезы. А в душе тихое отчаяние от беспомощности перед жестокостью людей.

У меня отняли, может быть, самую важную часть жизни моей души. И сейчас в ней так же пусто, как за окном.

Озарение

На дороге, обернувшись в мою сторону, словно поджидая меня, стоит черный кот. Не желая неприятностей от встречи с ним, сворачиваю на тропинку и обхожу милое домашнее животное, ничего не ведающее о людском суеверии.

И вдруг озарение: значит, вот так просто можно обойти любую неприятность? И никаких мучительных раздумий по ее решению!

Мне понравилась вдруг посетившая меня мысль, словно уже освободила меня от моих проблем на всю жизнь вперед. И я радуюсь теплоту дню, деревьям, птицам, светлому Миру...

Встречным людям непонятна моя улыбка. Они ведь

на знают, что мгновение назад я открыла для себя важную формулу жизни. Но это моя тайна, и я бережно несу ее в себе.

Боль

Победный месяц шагает по стране. Радует еще нежаркое майское солнце, зеленый покров земли, нежно цветущая сирень... Умиляет стремление к жизни каждой травинки.

Навстречу мне мужчина катит коляску с малышом. Мой рассеянный взгляд, запечатлев их, уже уплывает к двум молодым березкам. В нежном соприкосновении их ветвей было удивительно сходство с подружками, которые, взявшись за руки, шептались о своих девичьих секретах и радовались всему.

Красив и спокоен мир вокруг меня. Но какая-то неуловимая тень стала мешать мне умиляться солнечным светом, желанной тишиной, яркостью красок зрелой весны.

Взгляд вернулся к мужчине с малышом. Только сейчас я увидела, что коляска инвалидная. Она такая же, как для взрослого человека, только маленькая. И в ней мальчик ... без обеих ног.

Я смотрю на крохотные ручки, вращающие колеса, и почему-то думаю, что ребенок делает это привычно.

Природа по-прежнему зовет к свету, к жизни. Но я, прибавив шаг, спешу домой. В горле слезный комок – и уже не радует окружающая красота, и нет веры в безмятежное спокойствие жизни.

Сейчас во мне только большая боль маленького человека.

Осенний сюрприз

В траве, давно уже пожухлой, вдруг расцвели цветы. Они напоминают подснежники: маленькие, белые, очень скромные цветочки. Но среди всеобщего увядания природы они вызывают умиление и благодарность осенней поро за ее сюрприз, оказавшейся дивным подарком перед предстоящими холодами.

В то время, когда все готовится к зиме, эти былиночки в осеннем, чуть печальном пейзаже дарят душе последнюю перед долгими морозами радость.

Смотрю на взволновавшие меня цветы: так приятно душевное единение с Землей.

Оставив в памяти этот необычный кусочек осени, медленно иду по тропинке, шурша опавшей листвой, желая подольше сохранить трепетное чувство нежности, только что поселившееся в моей душе.

РИТМ серебряного века

Подготовил
Геннадий БОГДАНОВ

Серебряный век... Так всё чаще обозначают удивительный период в истории русской культуры, начавшийся в конце 19 века и прерванный октябрьским переворотом 1917 года. Это было время интеллектуальных прозрений и социальных потрясений, получившее совершенное художественное воплощение в русском искусстве и литературе.

В Петербурге 26 октября 1892 года на заседании русского литературного общества молодой, но уже известный писатель Дмитрий Мережковский выступил с лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Вероятно, эти творческо-теоретические деяния и положили начало осмыслению того эстетического чуда в русской культуре, которое сегодня называется литературой Серебряного века.

Само заглавие первой лекции Мережковского может вызвать у современного читателя если не оторопь, то уж наверняка недоумение. О каком упадке литературы в начале 1890-х годов может идти речь, если публиковались одно за другим блистательные произведения Достоевского и Тургенева, Некрасова и Островского, если только что ушёл из жизни Афанасий Фет и его лирическое наследие предстало перед Россией во всей мощи? Продолжал творческий путь живой классик Лев Толстой, а Чехов вступил в пору своего расцвета... Однако попробуем посмотреть на эти факты глазами тогдашних российских интеллектуалов.

В своём труде Мережковский справедливо отмечал: «Сущность искусства, которую нельзя выразить никакими словами, никакими определениями, не исчерпывается ни красотой, ни нравственностью, – она выше, чем красота, и шире, чем нравственность, она – то начало, из которого вытекает чувство изящного и чувство справедливого, которое объединяет их в живом человеческом сердце и делает только справедливое прекрасным и только прекрасное – справедливым. Их разделение влечёт их упадок».

Россия с её ужасной язвой – крепостным правом не могла не получить литературу с обострённым «чувством справедливого». Это выражено ещё в оде «Вольность» и в «Деревне» юного Пушкина. После Отечественной войны 1812 года на протяжении нескольких десятилетий наша литература занималась описанием противоречивых петровских реформ российского мира, российского общества. Эта творческая работа представляла необходимый фактор нашего литературного развития, воссоздавала в слове реальное пространство человеческого существования, хотя, кажется, долгое время никому из мыслящих мастеров не могло прийти в голову, что социальное бытописание должно стать главенствующим, потеснив тему исканий человеческой души.

Но в эпоху критики российскими социал-радикалами реформ императора Александра II случилось именно так, и Мережковский решил сказать об этом громко, пытаясь остановить деградацию творчества даже не к натурализму, а к фотографизму.

Осенив состраданием русский мир, все его сословия, все его слои и круги, от чиновников до цыган, литература застыла, словно в оцепенении: а где же человек как таковой, где же человек – творение Божие?!

Для всех был очевиден произошедший к началу 1890 годов литературный слом в нашей словесности: в прозе оказались исчерпанными художественные возможности социально-психологической изобразительности, а поэзия и вовсе находилась в глубочайшем кризисе, выродившись после кончины Некрасова в заунывную лирику Семёна Надсона и его окончательно бездарных эпигонов.

Размышляя о читателях и писателях тогдашней России, Мережковский прежде всего обратил внимание на упадок корневого начала всякой культуры – «литературной речи» и назвал причины деградации. Пожалуй, самая главная из причин, по мнению Мережковского, – «возрастающее невежество», «понижение уровня образованности» общества.

Мережковский указал и на то, что сложившаяся «система гонораров» также способствует упадку литературы. Литературная работа на заказ развращает писателя, а следом и читателя. Завершает дело извращения литературы критика, пропагандирующая «общедоступный, банальный трагизм», «народнический реализм», как его называет Мережковский.

Здесь, в подтверждение своевременности выступления Мережковского, следует обратить внимание ещё на одно событие, тогда малозаметное, но уже через несколько лет обретшее свой подлинный смысл. Той же осенью 1892 года, 12 сентября, на страницах выходившей в Тифлисе газеты «Кавказ» был напечатан рассказ «Макар Чудра», автор которого подписался псевдонимом: М. Горький.

Это тоже было по-своему новое течение в тогдашней русской литературе, ибо, не сосредотачиваясь, в отличие от писателей круга Мережковского, на постижении глубин человеческого сознания, на духовном самоопределении личности и «преображении мира усилием творческой воли» (слова Фёдора Сологуба), Горький сделал ставку на сложившуюся литературную традицию, где властвовала социальная проблематика. Вместе с тем он очень существенно изменил смысловые акценты. Центральным героем Горького – люмпен, или по тогдашнему слову, босяк не желал считать себя жертвой несчастных обстоятельств. Все свои невзгоды и беды он ставил в вину общественно-экономическому укладу и, следовательно, в той или

иной степени оказывался готовым этот уклад изменить, а точнее, уничтожить – разумеется, уже не «усилием творческой воли», а более радикальными средствами.

Так что, когда в 1905 году Д.С. Мережковский писал свою, ставшую пророческой статью «Грядущий Хам», он имел основания дать – как литературную иллюстрацию – обзор сочинений Горького и им подобных. С другой стороны, и Ульянов-Ленин к своему популярному в коммунистическую эпоху тезису о слиянии в большевизме марксизма с рабочим движением, мог бы, ничтоже сумняшеся, прибавить вполне корректный тезис о совершенном Горьким слиянии марксизма с литературой. Действительно, Горький, уже на государственной основе, по сути, вернул отечественную культуру к тому состоянию, которое Мережковский справедливо назвал деградационным. Теперь убогое литературно-критическое наследие социал-радикалов было переименовано в «революционно-демократическое» и положено в основу так называемой марксистской критики с чудовищной статьёй Ульянова-Ленина «Партийная организация и партийная литература» вместо манифеста. В облике большевистского комиссара явился предугаданный Мережковским хам, и после уничтожающих репрессий и гражданской войны следовало говорить уже не о «возрастающем невежестве», а об интеллектуальной катастрофе в обществе и в стране. И в этих условиях наследие Серебряного века стало эстетическим эпилогом русского дооктябрьского художественного развития.

Как видно сегодня, происходящее с нашей литературой в конце 19 – начале 20 в. было многообразно выраженным, отнюдь не единоподобным процессом. Но всё же то, что в течение долгого времени обрело свои смысловые начала и сейчас, кажется, наконец утвердилось в научных координатах понятия «Серебряный век», позволяет говорить об определяющих началах этого движения.

Само выражение «Серебряный век», по данным многих исследований, возникло в 1933 году, когда в парижском русском журнале «Числа» (№7-8) поэт и критик Николай Оцуп напечатал соответствующую статью. Считая пушкинскую эпоху Золотым веком русской литературы, он назвал Серебряным веком возникшую на рубеже 19-20 столетий русскую поэзию, которая «по силе и энергии» почти не имеет аналогии на Западе.

Несмотря на то, что в русском литературном обиходе конца 19 века иногда Серебряным веком называли время творчества Фета, Некрасова, Майкова, Полонского и других близких им по возрасту поэтов, сегодня понятие Серебряный век укоренилось в нашей речи именно в первом, предложенном Н. Оцупом культурно-хронологическом значении.

Приведём ещё одно подтверждение правомерности употребления этого понятия, может, самое весомое подтверждение, поэтическое.

*И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл, –*

эти строки из «Поэмы без героя: Триптих» Анны Ахматовой заслуживают особого внимания. Они ярко образны сами по себе, глубоки весь контекст, в котором они звучат,

контекст финала Части первой поэмы, фактическое завершение которой – ставшее классическим двустишие:

*Приближался не календарный –
Настоящий Двадцатый Век.*

В «Открытом письме Уэллсу», напечатанном ещё в декабре 1920 года, Мережковский говорил о том, что Ленин захватил «власть над телами», а Горький – «над душами». И властвование их от месяца к месяцу только укреплялось. В России утвердилось большевистское владычество, обречённое на изгнание сотни тысяч россиян, цвет традиционной культуры России.

В 1921 году, 7 августа, не выдержав тяжелейших эмоциональных потрясений, скончался Александр Блок, а 25 августа чекистская пуля оборвала жизнь Николая Гумилёва. Но не только этот август был чёрным для русской литературы. Большевистские репрессии против остающихся в стране интеллектуалов продолжались. Творческая среда, составляющая основу культуры, была приговорена к окончательному разрушению.

Серебряный век завершился, потому что уходил в историю его особый художественный язык – возникший в противостоянии социо-реализму эпохи предшествующей, возникшей вследствие того, что социо-реализм окончательно износился к 1890-м годам.

Традиционно Серебряный век связывают прежде всего с развитием русской поэзии. Тогдашняя атмосфера всеобщего творческого воодушевления коснулась всех пишущих, всех деятелей искусства. Через год после падения самодержавия, 27 февраля 1918 года, в московском Политехническом музее прошёл вечер «Избрания короля поэтов», где эго-кубо-футурист Игорь Северянин одержал победу в поэтическом состязании над Маяковским и был объявлен королём поэтов.

На это следует обратить внимание, поскольку само пространство Серебряного века неотделимо от художественной игры, условности, стремления превратить хаос жизни в образное пространство.

Серебряный век многие связывают прежде всего с поэзией. Однако работали не только поэты, но и прозаики, драматурги и деятели театра, композиторы и музейщики... Поэтому и вспоминать Серебряный век справедливо как итог творческих усилий многих сотен мастеров, среди которых – Василий Розанов, Леонид Андреев, Алексей Ремизов, Сергей Булгаков, Лев Шестов и Сергей Рахманинов, Сергей Дягилев, Александр Скрябин и Леонид Пастернак, Ида Рубинштейн и Михаил Врубель, Фёдор Шаляпин и Мария Ермолова, Борис Кустодиев и Всеволод Мейерхольд... Невозможно назвать всех, да это и не нужно: важно понять, что обаяние мировоззренческих идей Серебряного века, обращённого к постижению тайны человека, до сих пор влияет на творчество многих талантливых людей. Сегодня важно понять, что осталось от кипевших некогда литературных страстей. Важен именно поэт как таковой, его личность, его умение увидеть и словесно выразить мир, время, себя самого, передать высокую драму утверждения литературы, поэзии как явления эстетического, утверждающего начала добра и красоты. Важно услышать ритм Серебряного века, его смысл, выраженный в слове.

Жизненный путь россиянина без Родины

/главы из книги/

**Георгий НАЗИМОВ,
Калифорния, США**

Посещение Рыльского монастыря

В тот день почему-то глубоко врезался мне в память, вместе со всеми маленькими подробностями: как сейчас, вспоминаю моё посещение Рыльского монастыря, куда наша семья отправилась под Пасху, на моление.

Меня не держали «в страхе Божиим», хотя надо сказать, что я немного побаивался монастыря, где за толстыми стенами скрывались одетые во всё чёрное монахи. Вошли, отворив со скрипом, тяжёлые дубовые ворота. Высокий, худощавый монах, с редковатой рыжей бородкой ив зала-танном чёрном подряснике, захлопнул их наглухо за нами, на щеколду.

Медленно ступая по узким деревянным ступенькам, мы вошли в полумрачный зал, с высокими нишами и резными деревянными колоннами. По обеим сторонам стен тянулись длинные тесаные столы со скамейками. Это была монастырская трапезная. Следуя за монахом и на всякий случай держась поближе к отцу, я остановил свой взгляд на влажных стенах, где кистью монаха были размалёваны «Рай» и «Ад». Вот тут, по левой стороне, рогатый чёрт с удлинённой бородкой и длинным змеиным языком, а между ногами — пикою заострённым хвостом, с которого, капая, стекала свежая кровь непослушных детей, медленно обжаривал их над пламенным костром. А там, дальше и немного повыше, грешников усаживают на заострённые кольца; ну а там, с высокого обрыва, черти, веселясь, с раскалёнными докрасна трезубцами, подкалывая, подталкивают грешных вероотступников в огненную бездну.

Я тогда был очень маленьким и не совсем понимал детским разумом всё здесь происходящее. Так что в моей и без того запутанной головке поселился новый ужас, стало страшно глядеть на зеленовато-землистые окраски влажных стен. Не ровён час, слетит лукавый, подхватит меня под мышки и унесёт к раскалённому котлу. И я, жмурясь, старался на всё смотреть туманно.

Мне казалось, что всё сливалось в одно что-то хаотическое и дикое. Тут же, глядя на меня исподлобья пытливым оком, худощавый монах в чёрном подряснике тихо бормотал про себя: «С нами святая сила!», добавляя к тому: «Пропади да сгинь, дьявольское наваждение!» — и накладывая на себя худощавой рукой широкие крестные знамения. О! Я веровал в эти минуты... взирая на суровое лицо монаха. Да! Страшен суд Божий! И это страшное слово залегло глубоко и навсегда в мою детскую душу. А тут, по правой стороне, на стене расписан светлый «Рай». Причудливые образы праведников, измалёванные охрой, в схимнических ризах и венчиках. Это — хранители душ истинных. Они все — безгрешные, в светлых облачениях, радостно гуляют между цветущими лилиями. Здесь же над ними летают ангелы-хранители и повсюду порхают голубицы.

И тут тёплое и доброе чувство овладело мною. Словоохотливый монах старается объяснить мне, что всё так,

ибо по завету в Святых Писаниях написано. А как по завету нужно, я-то ещё и не знал. «Нонче, — продолжал монах, — наступает страшная ночь. Говорят, что в лесах, пополуночи, да ещё при полном месяце, кусты да деревья переходят с места на место. А вот только что грешникам их недоступно видеть, и только праведники их созерцают».

После моления, по просьбе отца, батюшка Онуфрий в келье читает нам, детям, короткое христианское назидание и беседую нас в Царство Небесное напутствует. «В рай так, по знакомству, не попадёшь, — говорил он укоризненным тоном. — Сам главный Архангел Гавриил у врат стоит и проверяет. А вот проживи по правде и заслужи, то и пропустит!»

Беда только в том, что я не всё понимал из назидания, и чем больше он читает и говорит, тем лучше у него выходит. Он всё читает, а меня всё больше ко сну клонит. Затем, благословляя, он отпускает нас. И вот наконец мы все садимся за дубовые столы разделить постную трапезу. Едим без слов, и только вкусное и аппетитное чавканье и щелканье деревянными ложками эхом пробегает по залу. И так, с сильно укреплённой верою, я поспешно уходил, не оглядываясь в сторону Рыльского монастыря.

Цыганский табор

В наших краях редко кочуют цыгане. Они, скитаясь, придерживаются более широких степных сторон и вольных речек, что поближе к сёлам, городам и ярмаркам. Но к нам ежегодно, каждой весной, через Рыльский перевал шли табором по полотну железной дороги цыгане, останавливаясь недалеко от станции на отдых.

В прозрачном весеннем воздухе над ущельем гулко разносится эхо: это колёса арб, скрипя, стучат по шпалам, сопровождаемые звонким лаем собак, щёлканьем длинных кнутов и «гиканьем» цыган. Я бы сказал, что это был довольно внушительный и картинный вид медленно продвигающегося к нам красочного табора.

Впереди, изредка оглядываясь по сторонам, шёл, важно и не торопясь, с сознанием собственного достоинства, уже немолодой, высокого роста, смуглый, с золотым кольцом в ухе, усатый цыган. Одет он был в чистые белые шаровары, перепоясанные тканым поясом. Кумачовая рубаха нараспашку, а поверх всего — расшитая узорами на спине и рукавах венгерка с позументами, а на ногах — переплетённые ремнями из сыромятной кожи сапоги с маленькими бубенцами. Из-за плеча у него торчало дуло старинного ружья.

Поравнявшись со станцией, он медленно остановился, широко расставив ноги, и скинув с плеча ружьё, поднял его высоко над головой. Раздались отдалённые скрипы арб — табор остановился. Сняв с себя головной убор, он, поспешно кланяясь, подошёл к отцу. Вскоре затем цыганский табор завернул и расположился у песчаного берега речки.

Надо сказать, что мы с братом сошлись и подружились с цыганятами и большую часть дня, до самого вечера, проводили, играя у них, и чего-чего уж только не проделывали с ними!

Был час седьмой вечера. На дворе уже смеркалось. Вскоре на берегу, дымясь, вспыхнули и запылали ярким пламенем костры, оставляя вокруг причудливые, удлинённые тени. Искры, взлетая от треска сухого хвороста, как светлячки, рассыпались снопами на все стороны. И лёгкий ветерок подхватил их; они, где-то угасали в темноте. Всё тут в полупрозрачном свете суеилось, бегало, толкалось... Шум и гам, громкий говор и звонкий смех повисли в воздухе над табором. Некоторые из цыган, да и цыганки с грязными грудными цыганятами, сидя у костра, обжаривали подозрительного вида куски мяса. Иные, суеясь, проверяли колёса и налаживали шатры, а некоторые просто сидели в тесно говорливых кружках у костров. Откуда-то изредка доносился удушливый больной плач грудного ребёнка и лай собак.

А затем полились тихие, звенящие аккорды семиструнных гитар и звонкие, с надрывом, напевы. Стоило только взглянуть и послушать их песни, чтобы, невольно забывавшись, полюбить и душевно привязаться к дикому и вольному табору. Вскоре прыжки и высвисты молодых цыган, кружившихся пёстрым хороводом вокруг пылающего костра, казались мне как бы сходбищем «нечистой» силы.

Но это было не что иное, как беспечные и весёлые дни и ночи у нас на Орлице. Мне с братом было весело и нипочём, а мать боялась за нас, чтобы нас цыгане не выкрали, так как за ними велась молва, что, выкрав ребёнка, они уводили его в города и сёла выпрашивать деньги и могли для этого покалечить. Староста табора подносил отцу трубочный табак и ракию (вид водки), а мать получала в подарок цыганского покроя длинную юбку и костяные гребешки. У нас во дворе станция, бывало, появлялись старые и беззубые цыганки — гадать в кости, на картах и на кофейной гуще. И, смотря на ладони рук матери, они шёпотом приговаривали: «Дай тебе, госпожа, большая счастья!»

И мать, улыбаясь, всегда подавала им медную монету, протягивая им руки для гадания. В последний день перед тем, как тронуться в путь, староста табора приходил проститься с отцом. А вскоре затем, свернув шатры, цыганский табор медленно исчезал из виду за крутыми поворотами, сопровождаемый тем же лаем собак, щёлканьем кнутов и частыми высвистами и диким гиканьем цыган. А вслед им ещё долго-долго разносился эхом утихающий гул цыганского табора.

Старая Сербия

Переплыв на пароме реку Дунай, мы ранним утром въехали на крестьянской подводе, запряжённой сивой лошадкой, в ворота патриаршего угодья «Архангельск» и прямо подъехали к домику. Снаружи, да и внутри, домик казался маленьким. В нём отец отгородил отдельную комнатку, куда можно было попасть через сени.

Трудно описать, что сделалось с отцом, когда он увидел нас. Он словно замер от неожиданного изумления. Встреча оставила яркие воспоминания. Это были самые счастливые минуты в моей молодой жизни. Вскоре мы всей семьёй сидели за завтраком. Стол был простой: свежее испечённый хлеб, сливочное масло, горячее молоко с пенками и яйца.

Наружность отца я бы описал так. Он был немного выше

среднего роста, взгляд его глубоких зеленовато-карих глаз всегда тих и ровен, добродушная улыбка на губах. Лицо чистое и открытое. Этой открытости немало способствовали всегда гладко приглаженные чёрные, с проседью, усы. На голове мягкие пряди седоватых волос. Фигура отца дышала добродушной солидностью, внушая к себе доверие.

Говорил он всегда тихим, ясным и мягким голосом.

Я уважал и любил своего отца всей своей душой, хотя он бывал порою суров со мной за мои проделки. Глядя на него, нельзя было не привязаться и не полюбить белого генерала. Отец никогда и никому не жаловался. Он был в изгнании несчастным человеком, но другого исхода ему не было. С годами судьба железной рукой измяла русского генерала. Сейчас, описывая его, я вспоминаю: отец был полуночником, он любил гулять поздними летними вечерами. Бывало, идя, он останавливался, облакачиваясь на деревянную изгородь и блуждая по сторонам глазами, о чём-то думал с мрачным, убитым видом. На долю отца выпала тяжёлая судьба, но при всех условиях жизни в нём не было заметно зла или ненависти. Он был полон безысходной боли по своей родине — России.

Часто перед сном, горячо молясь перед образом Всевышнего, отец просил об избавлении грехов и о воскрешении России. На усталых чертах лица его лежали тени скорби. На столике в траурной рамочке стоял портрет Государя с его Августейшей семьёй. И до последних дней своей жизни отец оставался верен присягой своему Царю!

Припомнилась мне тёплая летняя ночь, когда, стоя рядом с отцом, мы взирали на тёмную подкладку небосклона. Там, от края и до края рассыпаясь алмазами, мерцающая, горели звёзды.

«Смотри, — объяснял мне отец, — видишь, там, подле звезд Звездичи Зори, Три Сестры, а вот подальше, ярко мерцающая, горит Чигирь-звезда, она помогает охотникам не заблудиться ночью. Вот что, сынок, — поворачивая меня за плечи, продолжал говорить отец, — встань лицом промеж востока и Медведицей, там твоя родина — Россия, никогда этого не забывай!» Я слушал с замиранием сердца. Вдруг где-то прокуковала горемычная кукушка. «Однако нам уже пора домой», — заметил отец, взглянув на часы.

Наша жизнь вскоре вошла в колею. Отец был служащим в патриаршем имении. Тут у него полная тишина и душевный мир. По всей изгороди был посажен отцом душистый горошек, а на грядках — всякие овощи для своего обихода. По крутинам грядок цветы, отец любил цветы. Тут иванда-марья, колокольчики, а вот тут целая полоса красного мака, а уже к концу грядок — жёлтые головки подсолнуха, а между ними кое-где выселились тонкие мальвы. Рано утром и вечером, к заходу солнца, служащий на коромысле нёс деревянные бадейки (вёдрышки), наполненные зерном. Впереди важно и чинно медленно шёл с тросточкой в руке генерал, насвистывая военную песенку: «Всадники, дружно садись на коней!.. Тра-та-та-та, та-та-та, та-та!» Это была незабываемая картина. Было очень интересно наблюдать, как «учёные» курицы, услышав песню, пёстро мелькая, начинали идти за отцом. Это был его сборный «батальон»! Забавно, но и в то же время жалко и больно было глядеть на белого русского генерала.

Нам не удалось долго пожить в «Архангельске». Ввиду безвременной кончины заведующего патриаршим парком в Сремских Карловцах отца поспешно перевели на службу заведовать парком и фруктовым садом. Поставлять духовенству на столы свежие фрукты.

Он однажды лежал на зелёной траве

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск

Поэта Анатолия Кобенкова я узнал примерно четверть века тому назад. В Иркутске в то время была мощная писательская организация, насчитывающая около полусотни человек. И дело даже не в количестве, совсем не в количестве. Писателей Приангарья знала вся страна, которая была тогда куда больше, чем теперь. И вообще, в то время публика гораздо больше интересовалась художественной литературой и теми, кто её создавал. Встречи с литераторами неизменно собирали большую аудиторию. Книжки и литературные журналы издавались и раскупались тиражами, в которые сейчас даже не верится...

Не составляли исключения и поэтические сборники, выходившие регулярно. Действующих поэтов был не один десяток. Прямо надо сказать, что стране больше была известна иркутская проза, книги Валентина Распутина, Геннадия Машкина, Дмитрия Сергеева, Геннадия Михасенко и других. Все знали драматурга Александра Вампилова, трагически погибшего в начале 70-х. А вот всеобщим известным поэтам у нас не было. Если не считать Евгения Евтушенко. Но это москвич, хотя и «сибирской породы». Можно вспомнить Юрия Левитанского, но он к тому времени тоже давно уже не жил в Иркутске, как и Анатолий Преловский.

Но иркутянам, любившим поэзию, были интересны земляки-стихотворцы, и я был в числе тех, кто не пропускал ни одной тоненькой книжки стихов, выходящей в Восточно-Сибирском книжном издательстве. Многие из них производили на меня сильное впечатление, порой было обидно, что поэты эти известны только у нас...

Вот так мне и попала неказистая книжечка под названием «Я однажды лежал на зелёной траве». Об авторе её, Анатолии Кобенкове, я слышал, кажется, видел его раз или два на встречах с писателями, которые старался не пропускать. Но только и всего. Наше знакомство состоялось только с этой книжкой, хотя она была у молодого тогда ещё поэта далеко не первой.

И она произвела на меня очень сильное впечатление, сильно отличаясь от большинства других. Чем? Давайте вспомним, какое время было тридцать лет назад. Книжка вышла в 1981 году, но несколько лет добавим на то, когда она писалась и издавалась. Тогда говорили «развитой социализм», позже это время назвали «застой». У большинства авторов так или иначе общественно-политическая жизнь страны отражалась и в творчестве. Вспомним Евтушенко, его «Братскую ГЭС», стихи о БАМе, поэму «Мама и нейтронная бомба», просто стихи на злобу дня. И у большинства других примерно так же. Одни это делали по долгу советского писателя, не сильно веря

в идеалы. Другие, напротив, были искренни. Пожалуй, таких было большинство. Да и как могло быть иначе? Большинство тогдашних писателей родились до Отечественной войны, воевали или пережили её детьми. Хороший пример – поэт Сергей Иоффе.

Правда, уже тогда резко различалась граница между поколениями. Молодёжь, родившаяся после Победы, не хлебнувшая лиха, заставшая хрущёвскую оттепель детьми, разительно отличалась от старших... Этой молодёжи. помнится, сильно доставалось от взрослых за длинные волосы, узкие, а потом расклёшенные брюки, за короткие юбки... А они были этому очень рады, что их ругают, что они «не такие». Сейчас этим людям уже по шестьдесят и больше, но большинство так и не повзрослело...

А Кобенков как раз из этого поколения. Поколения «стиляга», как тогда говорили. Поколения, больше слушавшего западную музыку, чем свою родную. Поколения, гораздо лучше старших относившегося к заграничье, и намного критичней к советской действительности. И творчество представителей этого поколения неизбежно должно было отличаться от творчества своих отцов и старших братьев.

Так вот, в стихах Кобенкова напрочь отсутствовал «советский ландшафт». БАМ и другие комсомольские стройки, строительство коммунизма, борьба СССР за мир и прочее. Не было, правда, там и диссидентских мотивов, антисоветчины. Вообще не было никакой политики. Не было вселенских, глобальных мотивов.

А что было? Некий особый мир, почти нереальный провинциальный городок, населённый чудачками, я бы даже сказал, чудиками. Но от стихов этих было трудно оторваться. Идущий по улице грустный человек, лирически настроенный управдом, дворники, пенсионер-натуралист, инопланетный звездочёт, писательская жена Анна Ивановна Голубцова, причиной смерти которой стал роман, написанный мужем... А также очеловеченные животные: собаки, кошки, скворцы, сверчки, кузнечики. Вот его герои.

Да и городок сам по себе тоже был как бы живым. Живые дома, улицы, деревья, скворечники, лужи, падающие в них листья. Живой снег, живой дождь, живая гроза... Все они становились очень близкими читателю, как и лирический герой, лежащий на зелёной траве.

Да, он лежал на зелёной траве, бился над вопросом: «на что похожи зимние деревья?», и занятие это представлялось чрезвычайно важным, в то время как другие были строителями и солдатами, служили в молодёжной газете, боролись с недостатками. А своё отно-

шение к реальной жизни Кобенков в первый и последний раз высказал в стихотворении, которое начинается со слов:

*Как это ни печально,
но писать
меня учили вовсе не поэты,
а скромные читатели газеты,
тираж которой стыдно называть.*

Он никогда не работал по принципу «утром в газете, вечером в куплете». Собственно, вышесказанное относится только к лирическому герою, а не к автору. Автор учился в институте, служил в армии, работал на заводе и в комсомольской газете. А его лирическому герою это было неинтересно и неважно.

Даже в армейских стихах герой больше предаётся философским размышлениям да иронизирует, чем говорит о службе. К слову сказать, была в тогдашней литературе некоторая степень свободы, если издавались такие книги.

Хочется сказать ещё вот о чём. При полном отсутствии в поэзии Кобенкова всемирных мотивов можно в ней обнаружить поиск «сермяжной правды». К слову сказать, Валентин Распутин в те времена был не меньшим властителем дум, чем Евгений Евтушенко или Андрей Вознесенский...

Потом были другие книги. В них узнавались герои, узнавался пейзаж, узнавался автор...

Много позже мне довелось и лично познакомиться с Анатолием Ивановичем, когда он уже возглавлял иркутское отделение Союза российских писателей и руководил молодёжным литературным объединением. Невозможно забыть обсуждения молодых, и не очень молодых, авторов, горячие споры, когда спорщики не всегда удерживались в парламентских рамках. Сколько копий было сломано! Ведь очень редко представленные сочинения получали одобрение даже части собравшихся.

Но все знали, что в конце возьмёт слово Анатолий Иванович и, попыхая неизменной сигаретой или трубкой, скажет своё слово. Почти всегда найдёт, что сказать в утешение, если обсуждение было разгромным, и, наоборот, если автора много хвалили, немного отрезвить его. Разумеется, это не преподносилось как истина в последней инстанции, далеко не все соглашались с ним. Каждый раз он рассказывал много интересного, а ему было чем поделиться. Его знание литературы не могло не производить впечатления. Не так много у нас в городе выпускников знаменитого Литературного института...

Но всё-таки для меня Анатолий Кобенков – это в первую очередь поэт, от стихов которого у меня в молодости пробежали мурашки по спине.

Прошло более четверти века. Изменилась почти до неузнаваемости наша страна и не только она. Выросли новые поколения. Повержены почти все старые кумиры. Время – суровый судья, хотя и не всегда справедливый. Как смотрится иркутская поэзия тех далёких лет? Что тут сказать? Много, большинство так и осталось в том времени и сейчас представляет интерес лишь как памятник ему. Но кобенковские «чудики» живы. Как тогда, так и сейчас, это чудики. Как тогда, так и сейчас, реальная жизнь не имеет к ним никакого отношения, как и они к ней. Но ведь общеизвестно, что «нормальные» люди почти неинтересны поэзии.

К великому сожалению, слишком рано ушёл из жизни Анатолий Кобенков. Сбылись его строки:

*Когда инопланетный звездочёт
Одной звезды однажды недочтётся...*

Но утешимся тем, что стихи его остались с нами. Остался провинциальный городок, его странные жители, люди и их «братья меньшие». Осталась зелёная трава и весенние лужи. Хочется надеяться, что трава эта не останется без своих поэтов, а те, в свою очередь, без читателей.

СКОРБИМ

В последних числах июля, когда номер был сверстан и отдан в печать, мы получили трагическую весть – умер наш давний друг, автор-подписчик, поэт и публицист, издатель

ЧАЙКА

Николай Николаевич

От имени редколлегии ежемесячника «Литературный меридиан», общественного совета, наших авторов и многочисленных читателей приносим соболезнования родным и близким Николая Николаевича.

Редколлегия.

Остановилось сердце человека, неравнодушного к радостям и трагедиям Родины, человека, считавшего своим долгом честно и открыто писать гражданские статьи и патриотические стихи без оглядки на псевдоавторитеты «доброжелателей России». Остановилось сердце Человека.

Горькая потеря...

Скорбим...

В. Костылев

ИХТИАНДРЫ ВОЕННОГО ФЛОТА

25 июля – День Военно-Морского Флота России

Пётр ПУЗИН,
заместитель начальника СВФ МГУ
им. адмирала Г.И. Невельского,
г. Владивосток.

Водолазной службе России – 128 лет. Для курсантов и офицеров факультета военного обучения МГУ имени адмирала Г.И. Невельского – праздник особый.

Дисциплина водолазной подготовки имеет в университете важное значение. Прежде чем выйти на учебные военные сборы, курсанты проходят водолазную подготовку в военно-морской лаборатории МГУ. И только после сдачи зачетов, экзаменов и контрольных нормативов будущие штурмана и механики получают допуск для прохождения сборов на подводных лодках. На военной кафедре №1 одним из основных водолазных специалистов является капитан 3 ранга Михаил Кукушкин, врач – физиолог подполковник Валерий Степанюк, начальник плавательного бассейна Иван Колесков, старший инструктор Валерий Реунов, инструктор Игорь Неупокоев. Принимают участие в подготовке и те офицеры кафедры, которые имеют водолазную квалификацию.

В настоящее время открыта новая военно-учетная специальность (ВУС) – «Организация водолазных работ».

В истории Российского государства особое место занимает водолазная служба, которая имеет глубокие корни, исходящие от древних славян. В водолазании России было немало значительных дат, но, несомненно, консолидирующим стал день 5 мая 1882 года, определивший Указом императора Александра III от 23 апреля создание в Кронштадте первой в России и в мире военной Школы водолазов.

Исторический день рождения водолазов ознаменовал начало профессиональной подготовки водолазных кадров и создания единой национальной водолазной службы в государстве. Школа становится базовым центром для научных исследований по водолазному делу, ее технические разработки в области снаряжения и оборудования получают международное признание, а теоретические труды переводятся на английский, французский, немецкий и итальянский языки. Специалисты этих стран приезжают в Россию обучаться водолазному делу.

Русские водолазы на протяжении последнего столетия являлись лучшими в мире. Начиная с 1894 года, когда была достигнута рекордная глубина – 61 метр, все мировые достижения в освоении глубин имели прикладное значение. В 1956 году русские водолазы встали на грунт на трехсотметровой глубине (за рубежом такая глубина была достигнута в 1962 году). А в восьмидесятые годы двадцатого столетия наши водолазы в режиме длительного пребывания совершают погружение на 500 метров.

За 120 лет водолазная Школа подготовила 50 тысяч водолазов. За этот же период школой и училищами выпущено 1085 водолазных специалистов. Это они из морских глубин подняли 4560 кораблей и судов общим водоизмещением 3 млн. 200 тысяч тонн. Только за годы войны водолазами-специалистами оказана помощь 1585 аварийным кораблям и судам, поднято из глубины мо-

рей, озер и рек 1920 кораблей и судов. Кроме этого, извлечено из глубин 10 тысяч единиц затонувшей техники, 100 тысяч тонн грузов, расчищены моря и реки от мин и боеприпасов, восстановлены порты, причалы, построены сотни мостов, сотни километров причальных стенок.

Во второй половине XX века русскими водолазами созданы грандиозные современные портовые сооружения на Балтике и Дальнем Востоке, в Арктике и на Черном море: крупнейшая нефтегазавань «Шехарис» под Новосибирском, построены мощные гидроэлектростанции, берега рек соединены современными мостами, через водные преграды проложены сотни километров газо- и нефтепроводов, несущих тепловую энергию городам и селам России. Невозможно перечислить все, что создано русскими водолазами в «больших» и «малых» водах нашей страны. Несомненно одно – водолазная Школа России выпускает в жизнь настоящих мужественных людей, целеустремленных и талантливых, любящих свое Отечество. Сама специфика профессии человека, который идет работать под воду, накладывает отпечаток на становление всей его личности. Выпускники водолазной Школы становились крупными учеными, известными писателями, кинематографистами, изобретателями, выдающимися военачальниками, лауреатами Государственной премии, Героями СССР и России.

С 5 мая 2002 года по ходатайству представителей водолазных организаций, министерств и ведомств Указом Президента России В.В.Путина этот день официально объявлен Днем водолаза.

*И нет ничего нам роднее и краше,
Чем водолазы Родины нашей!
«Нырялками» славится каждый ваш год,
Да здравствует мирный подводный народ!*

Раздолье красот

**Василий ПОНОМАРЕНКО,
г. Ярославль**

25 августа Василий Дмитриевич отмечает 75-летний юбилей. Редколлегия и подписчики «Литературного меридиана» поздравляют юбиляра и желают доброго здоровья, бодрости, новых творческих открытий!

1000-летию города Ярославля посвящается

Праздничным днём
отдохнём да потешимся,
С песней по городу славно пройдем,
Радостно нам, что ему нынче
тысяча
Благословенно-господних годов.
Тысяча, тысяча, тысяча!
Дату великую славь:
В ней голос истории слышится,
И всем улыбается князь Ярослав.
Идут ветераны
и пары влюблённые,
Чайки взлетают с речной полосы...
В небе и Волге светло отражённые
Высятся храмы старинной красы.
Тысяча, тысяча, тысяча!
Веху великую славь:
В ней голос истории слышится,
И всем улыбается князь Ярослав.
Годы былые – как летопись
доблести! –
Не исчезают бесследно во мгле...
Город наш – центр исторической
области –
Шлёт свой привет
всей российской земле.

Усурийский фрагмент

Вадиму Климентьеву

Лик вечности являет черепаха.

К. Бальмонт

Не молоток, не звонкое зубило
Сжимал бохаец жилистой рукой,
А грубое кремнёвое рубило,
Отточенное горною рекой,
И глыбу сёк!
От взмаха к взмаху

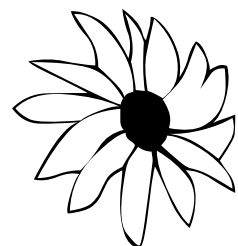
Яснее и естественней черты
Из камня проступавшей черепахи
Ему являлись в отсвете мечты...
Суровый труд!
По телу пот, как бисер...
Отёком ссадин взгорбилась рука.
Пучком травы он лоб горячий
вытер
И затянулся стружкой ветерка...
Вдруг за спиной мелькнули
чьи-то тени:
Всплеск тетивы – стрела в висок!
Как огненные ягодки женьшеня,
Упали капли крови на песок.
Прошли века – раздора, страха...
И столько царств развеялось
дотла!
Медлительно дошла к нам
Черепаха,
Отстала быстролётная стрела...

Над речкой, повторив её излучину,
Под сопкою, где от берёз светло,
Раскинулось селение Анучино –
Далёкое таёжное село.
Не наносимое на карты
и на глобусы,
Оно, как пасека, стоит на берегу:
От лесовозов, «газиков»,
автобусов
Над ним всегда плывёт
рабочий гул.
Но все спешат,
все проплывают мимо,
Причаливая изредка к пивной,
Где в облаках махорочного дыма
Шофёры пропускают по одной.
И снова в путь!
Дорожные излучины
Ведут на рудники,
в лесхоз, в тайгу...

Для всех трудяг селение Анучино
Приветливо стоит на берегу.

Тоцкое связано с речкою Ток,
Вольно входящую в речку Самару...
Наследно вобрал в себя сей уголок
Окрестные сёла, уголья, кошары.
Тоцкое связано с речкою Ток...
Тут, на приволжско-сарматском
востоке,
Можешь ты встретить
сосновый лесок,
А в гуще – глухаринные токи.
Раздолье красот
и ландшафтной поэзии!
Хотя для остротки
несдержанных стран
Был некогда взорван здесь
грозный уран
С высвобождением
смертного цезия.

Годы прошли...
Воскресилась природа!
Степь стала всем безопасна
вполне...
А в утешенье родному народу
Эксперименты проводят
в земной глубине,
Даже в какой-то другой стороне, –
Так что поклон им
за эту благу методу!

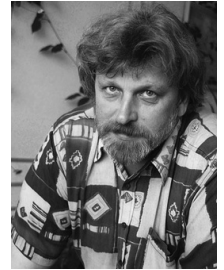

СЛЫШУ СКВОЗЬ СОН...

ХОККУ

Владимир МОНАХОВ,
г. Братск

На полке жены
вчера впервые увидел
крем от морщин.

Вышел к дороге
гриб на людей посмотреть.
Ишь напылили!

Дочка на лавочке
забыла варежки –
дети торопят весну!

Солнцу за рекой
голос подают с луга
узники травы.

Небо ночное
зарастает звёздами
до макушки сада.

За окном идёт дождь,
а внутри меня время –
Твоё время, Господи!

Осенний лист
в руках весёлой девочки
всё жил, и жил, и жил...

Под светофором
в луже предзимней
много ещё зелёного.

В дороге всё говорит:
птицы, травы, деревья,
если попутчика нет.

Всю зиму кран
на кухне подтекал –
весенние капли загнушили.

Морозные дни коротки,
но солнце за день успевает
на всех посмотреть.

Сколько весёлых песен
за зиму птицы забудут –
первым напомним скворец.

Будете в наших краях –
бросьте монетку на счастье.
Нищий её подберёт!

Кто-то стучит в окно.
Не подниму головы –
некому быть, кроме ветра.

Спасибо, пёс!
Гуляя с тобой по ночам,
я вижу звёзды!

Вот бабуле лето
бесшумно, красиво
пришлось ко двору.

Снова горизонт
укладывается на пути
моего взгляда.

Бледнеет ночь.
На нитку горизонта
нанизан жемчуг солнца.

Лишь тишина
не знает, что её
подслушивают.

Пора вернуться
туда, где нас заждались
холмики могил.

Слышу сквозь сон, как
дочка побежала в жизнь
на каблучках высоких...

За внучкой скакать
на ножке одной, мир
укрепляя счастьем...

Внучка подкралась –
закрывает глаза ладонями:
крылья чувствую за спиной.

Проснулся утром.
Вижу – первым снегом
твои следы замело.

Травинка последняя
изломала линию
го-ри-зон-та...

В сумке с плодами
пара дерзких муравьёв:
не трожь – всё наше!

Берег пригубил
водную гладь озера –
вымок подол травы.

С ветки на ветку
порхает время весны –
с юга на север.

Таблетку света
дневного – ночь сунула
под язык луны.

Кушала варенье –
вишнёвое эхо лета
на губах зимы.

НА РЕКЕ МИССИСИПИ

На реке Миссисипи (Louisiana state, USA) от Нового Орлеана до Батон Руж (столица штата Луизиана) работают 26 элеваторов. Они отгружают различные зерновые грузы. Как правило, продукт идёт на экспорт. Одновременно идёт загрузка 32 судов.

Расстояние от устья реки (Southwest Pass) до порта Батон Руж составляет 200 морских миль, до порта Новый Орлеан – 105 миль. Якорная стоянка протяжённостью 9 миль. Оформление прихода и предъявление трюмов к погрузке зерновых осуществляется в 80 милях от устья реки. При хорошей погоде отдаются оба якоря по три смывки каждого, в случае штормовой погоды – пять одного и три смывки другого. Якоря держат хорошо. При ветре до 20 м/с судно стоит поперёк реки, минимальное расстояние до берега 60 м. На якорной стоянке иногда бывает до 10 судов.

Для оформления прихода также используется якорная стоянка Belle Chasse. Максимальная осадка от устья реки до Нового Орлеана – 48 футов, а выше по реке от Нового Орлеана до Джоджиа Галф – 45 футов.

Морской лоцман поднимается на борт у входного буя (юго-западный проход) с подветренного борта (лоцманский катер небольших размеров), обеспечивает проводку на протяжении 25 миль. Затем на траверзе лоцманской станции Pilot town, расположенной на левом берегу, на борт поднимается речной лоцман, работающий на 67 канале УКВ, связь на рейде обеспечивается на 16 и 20 каналах.

При заходе в порты США агенту сообщается следующая информация: последний порт захода и дата выхода из него; последняя дата фумигации трюмов, если перевозятся хлебные грузы; навигационное оборудование; перечень карт и пособий, посещало ли судно порты Кубы в течение последних 180 дней. Для оформления прихода необходима судовая роль с визой США из последнего порта захода, а также документы 1-95AB «Разрешение для схода экипажа на берег», 1303 «Судовые запасы», 1304 «Декларация», 1301 «Генеральная декларация», 1300 «Таможенная декларация», судовая роль (всё – в трёх экземплярах). Под расписку берутся судовые документы. Разрешение на погрузку зерновых даётся сюрвейерами Министерства сельского хозяйства, осматривающими трюма, и Национального грузового бюро, которые проверяют расчёт остойчивости судна. Одним из старейших элеваторов является Delta Bulk Terminal, который находится в 137 милях от устья реки. Терминал для погрузки зерновых представляет собой старый пароход длиной 150 м, на палубе которого смонтированы три питателя для погрузки судов. Одновременно могут обрабатываться три судна: два

грузятся на бочках, одно швартуется непосредственно к терминалу с отдачей двух якорей: отдаётся не менее 6-ти смывек левого каната и 4-х смывек правого.

На баке подаётся два прижимных швартовых и один шпринг на терминал плюс четыре продольных на две бочки; с кормы подаются два продольных на бочки плюс один шпринг и продольный на терминал. Перед погрузкой со старшим стивидором оговаривается план погрузки судна, подписывается Load Confirm Sequence, который соблюдается неукоснительно. Пополнение элеваторов зерном производится с барж и вагонов.

Погрузка производится из барж через насосы (питатели), производительностью 800 т/ч. Груз очень пыльный. Штивка в трюмах производится бульдозерами; на загруженный груз выдаётся штурманская расписка (Mate Receipt), вес указывается в лонготоннах (1 лонготонна = 1016 кг), при подписании штурманской расписки необходимо вносить оговорку: «Quantity and Quality unknown», коносамент не выписывается, агенту оставляется поручение на право подписи его после отхода судна в рейс.

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ

Элеватор Continental grain West Wego расположен на правом берегу реки около мили вверх по течению реки почти напротив Нового Орлеана. Он построен в начале семидесятых годов и является средневозрастным, производительность при погрузке – до 2500 т/ч (кукуруза, пшеница, соя).

Большинство элеваторов принадлежит компании A.D.M., пополнение зерна на элеваторах производится из барж, вагонов и кое-где из автотранспорта, погрузка зерна часто производится прямо из барж.

Одним из самых больших и скоростных элеваторов в США является Zen-Noh Grain, который приспособлен к погрузке зерна и технологической щепы; комплекс работает с 1982 г., имеет четыре питателя, скорость погрузки может достигать 3700 т/ч, для очистки транспортёров под зерно требуется шесть часов.

Владельцем элеватора является японская компания Mitsui с главной конторой в Новом Орлеане. Строили терминал три года, расположен он на левом берегу реки в районе якорной стоянки Grandview Anchorage, большая водная акватория с минимальными глубинами 25 м, используется для ожидания погрузки.

Погрузка в две смены: дневная с 7 до 19 часов, ночная, как правило, используется редко. Можно брать пресную воду с причала, стоимость 500 долларов, количество не оговаривается. Используется специальный трап для сообщения с причалом, оплата за счёт фрахтователей.

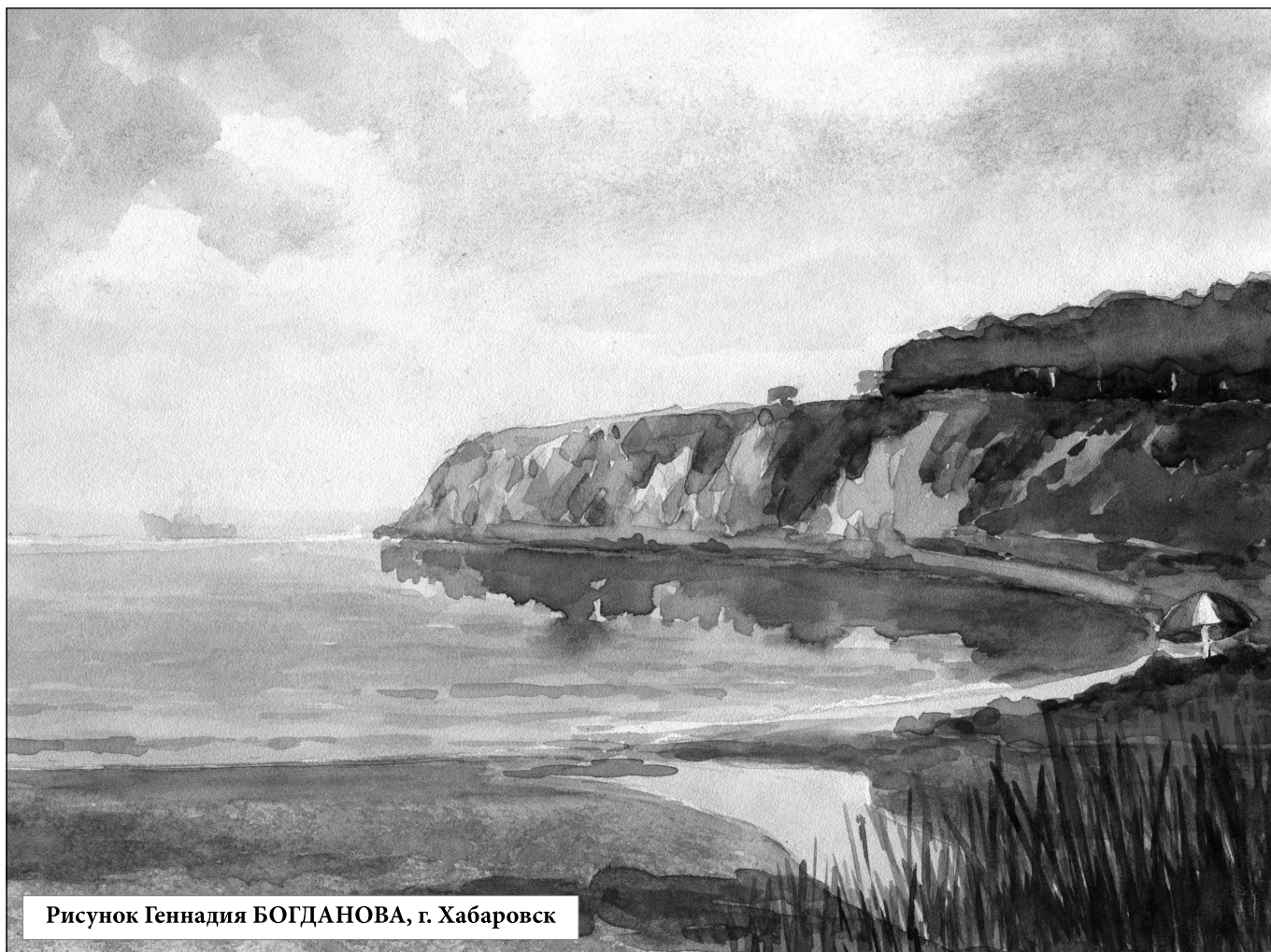

Рисунок Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск

По окончании погрузки оформление документов номинировано один час, задержка сверх лимита карается штрафом 5000 долларов за один час.

Кроме штурманской расписки сюрвейер выдаёт только погрузочный сертификат, все остальные документы отправляются почтой в порт выгрузки: «Bill of Lading», «Phyto sanitary cert.», «Veterinary cert.», «Quality cert.», «Cert.of origin».

В порту выгрузки агент, на основании полученных почтой документов, готовит Манифест для таможенных властей, такова практика.

NCB Сюрвейер (National Cargo Bureau) выдает под расписку Инструкцию капитану, в которой изложены основные правила, касающиеся погрузки, документации и транспортировки зерна.

Подробно все правила погрузки и перевозки зерновых изложены в буклете NCB "General Information for Grain Loading", в котором содержится вся полезная информация из «International Grain Code» редакции ИМО.

ПРАЗДНИК

На правом берегу реки в 127 милях от устья расположен как туристический объект, старый сахарный завод колониальных времён рабства. Почерневшие

от времени деревянные постройки поддерживаются в хорошем состоянии, комплекс охраняется федеральным законом. В настоящее время сахарный тростник для промышленных целей не культивируется на полях штата Луизиана.

В пяти милях от завода вверх по течению реки находится в прекрасном состоянии усадьба с аллеями вековых деревьев, главная аллея подходит почти к берегу реки. Здесь снимали фильм «Унесённые ветром». Усадьба является музеем федерального значения.

Одним из наиболее ярких праздников в Новом Орлеане является католический Праздник «MARDI GRAS» (французское выражение, символ женственности), который зародился во времена, когда Луизиана была колонией Франции. Торжественные мероприятия обычно проводятся в марте (в 2000 году – 7 марта, начали праздновать с пятницы 25 февраля) – Two weeks before ASH WEDNESDAY – после чего идёт католический пост 40 дней.

Празднование проходит ежедневно до полуночи на улице BURBON st. в центре города, конная полиция следит за порядком, очень много туристов, все отели в городе были переполнены, все балконы домов на этой улице забиты наблюдающими зеваками. Всё это яркое и весёлое представление снимается любителями на фотоаппараты и видеокамеры.

Эта музыка пока ещё ничья...

Иван ШЕПЕТА,
г. Владивосток

* * *

Е.Д.

В подъезде дома лестничная клетка
всю ночь одна мерцала
в тусклом свете,
и я готов был ночью умереть,
но ты моей не допускала смерти.

Тьма неохотно размыкала круг,
согрелись солнцем
каменные плиты.
Мне стало легче, и я понял вдруг,
что мы с тобой
уже не будем квиты!

И, понимая, головой поник
в раскаянье неуксупимом мужнем,
что я теперь не столько
твой должник,
как раб того, что не свершил
в минушем.

ПИСЬМО В СТОЛИЦУ, XVIII ВЕК

/отрывок, в переложении
на современный язык/

Приветствую тебя,
мой друг столичный!
Всё занят политической борьбой?
Сенат безмолвствует,
как конь в узде привычной,
а ты в тоске по жизни заграничной
реванша ждёшь,
готова новый бой?..
Тебе бы счастья в жизни личной!

Кормило власти, слышал,
взяли в руки
гвардейцы из гнезда Петра?
сплошь Сашки Меньшикова внуки,
сплошь – не варяги,
сплошь свои ворюги,
большие крысы с царского двора?
и меценаты на досуге?

Что ждать от тех потомков
проходимца,
который в детстве досыта
не ел?! –

Не вышли ростом,
плутоваты лица...
Учила их кормилица волчица
знать, достигая,
кто на что посмел...
Вот и итог, как говорится!

Борьбой партийной имя не позоря,
Стихами коротаю свой досуг.
Да, я живу в провинции у моря...
Сороки, белки с моего подворья,
Те тоже тащат... Глядя на ворюг,
Смеясь, вытравливаю хворь я!

Прости, но я идей не разделяю.
Во мне твоей уверенности нет.
О чём сыр-бор в столице, я не знаю,
мы здесь, в деревне, попривыкли
к лаю:
– Что лаешь-то? – спрошу у пса.
В ответ
опустит уши: лайот – вот и лаю!

Мы примем здесь преемника –
любого.
Не нам судить, что истина,
что ложь.

Мы лишь хотим порядка.
Хоть какого!..
Пришли стихи поэта мне Баркова;
вот, говорят, кто истинно хорош!
А от воззваний толку – никакого.

* * *

Подо льдом – журчание ручья...
Вслушиваясь, вникну. Онемею.
Эта музыка пока ещё ничья,
Я хочу, чтоб сделалась моею!

Застолблю себе участок свой,
Может быть, и золото намою...
У кого-то ноты под рукой,
У меня – под коркой ледяною!

* * *

Специалист по чёрному пиару,
он не латает в кошельке дыру,
а как мужик, подваливает к бару
и пропивает гонорар к утру.

И тает в нём желанье, как ириска,
купить подружке в зиму сапоги,
любовница его, кокаинистка,
вновь за долгами делает долги.

Но, потакая слабости рабыни,
поглаживая груди и живот,
он сам находит счастье в кокаине,
когда она подолгу с ним живет.

А исчезает – как весною кошка,
он забывает свой нехитрый быт:
в остатках кофе зацветает
ложка,
в остатках тех, что ею не допит.

Во все те дни, пока она исчезла
и пишет он, поглядывая в тьму,
наброшенный халат
на спинку кресла
так и висит, не нужный никому.

Когда она приходит утром рано,
он тут же слышит –
звякает фарфор,
и булькает струя большого крана,
с посудую вступая в разговор...

Не отделяет душ худое тельце
от тех фантомов,
что на ней висят...
входя к нему, снимает полотенце
и в кресле облачается в халат.

Так и живут писатель
с проституткой
и жизнь свою не делят на двоих,
как по соседству
с неприличной шуткой
глубокий смыслом
утонченный стих.

* * *

Мы чувством долга
зря себя терзаем,
когда-нибудь на старости
поймём,
что наша жизнь –
есть беспроцентный заем,
который, умирая, отдаём.

Земля то черна, то бела...

Марина ЗАЙЦЕВА,
г. Корсаков
Сахалинской области

ПОСЛЕ МОРЕЙ

Он идёт по земле качаясь,
Он от палубы не отвык,
Как за леер, за воздух хватаясь,
Потеряв равновесье на миг.

Он сегодня хмелён немного:
Обмывал радость встречи
с землёй.

Словно сейнер под ним дорога,
По которой бредёт он домой.

И шарахнулась вбок прохожая,
Сжав презрение в тонких губах.
Не суди его – он хороший,
Ну слегка перебрал рыбак.

Пусть «крутой заложил он галс» –
Нет сегодня его добрей.
От его полуденных глаз
Веет нежным бризом морей.

И не трогай его, «воронок»,
За решётку не прячь свою.
Он привык ходить без дорог –
У погибели на краю.

ЛУНА

Нарождается.
Доходит
до предела зрелости.
Возвращается
к истокам младенчества.
И так каждые
двадцать восемь дней.
Демонстрирует
переменчивость
бытия.

Бесконечно...

* * *

Земля то черна, то бела,
То черна, то бела...
Зима повстречалась с весной.
Минул март,
А всё длится их распря.

* * *

Когда прилетите, синицы,
И озвучите пеньем округу?
Зима утомила
угрюмой своей немотой.

* * *

В бухте Лососей
Стая лебяжья плывёт.
Апрель на исходе.
Как льды холодны.
Но ещё холоднее – вода.

* * *

Облюбовали мою открытую
форточку –
Каждой весной залетаете.
Что ищите здесь, шмели?
Или мой новый дом?

* * *

Тихо тает сосулька –
Обречённое дитя зимы и весны.
Ей никогда не суждено узнать,
Как прекрасное лето
Встает на вашем пути...

* * *

Спасавшие меня своим чириканьем
От немоты зимы,
Долго ждёте угощенья, воробы, –
Весенний щебет синиц
Ваши затмил голоса.

* * *

Стайка махаонов
Порхает над речной отмелью, –
Словно синие ирисы
Трепещут под лёгким ветерком.

* * *

Ты – ветер!
А моё сердце –
Воздушный шарик на нитке –
Подвластное твоей воле.
И ты играешь им как хочешь.

* * *

На солнечной морской отмели
Нежится счастливая устрица –
Беременная жемчужиной.

* * *

Моя любовь – жемчужина –
Медленно растворяется
В кислоте твоего равнодушия.

* * *

Самопознание – зеркало.
Тебя смущают
истины открытий.

* * *

Как много жизней проживаешь ты.
Ведь год – как жизнь.
И каждый год – ты разный.
Вот истина твоих перерождений.
И бесконечен к совершенству
путь.

* * *

Гармония – суть всей природы,
Её часы, идущие сверхточно.
И, если стрелок
ты нарушишь ход, –
В тебе разлад, сомненья и болезни.

* * *

Учитель твой,
Он навсегда тебя поработит,
Коль не посмеешь встать
И прочь уйти ты.

* * *

Когда твои глаза прикроет тень
от серых крыл,
летящих к югу цапель,
ты вспомни нашу осень
последнюю
и шум печальных сосен,
и тихий-тихий
стук тяжёлых капель
о землю (дождя ли, слёз ли...)
в тот ненастный день.

Память не тревожа...

**Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток**

Памяти Леонида Климченко

Когда взойдёт последняя заря,
когда закат последний отпылает,
уйду я, ничего не говоря,
не пряча, не жалея, не желая.
Не по моей и по моей вине
ещё беда с бедою рядом встанет;
мне отдохнуть от них
пора настанет, –
мои друзья, не плачьте обо мне.

Когда судьба сочтёт земные дни,
и вы, скорбя, узнаете об этом,
друзья мои, соратники мои, –
храни вас Бог! –
не торопитесь следом.
Коль будет суждено сгореть в огне,
мой прах горячий
над полынь-травою,
над скудною отеческой землёю
развейте и не плачьте обо мне.

Когда последний песенный куплет
я допою над берегом любимым, –
последний раз
сойдётся клином свет
на парусе, что проплывает мимо.
Я был и под волной и на волне,
и в царстве тёмных смут
и истин ложных,
когда, казалось,
счастье невозможно,
я счастлив был.
Не плачьте обо мне.

Великая,
не знающая края,
взлетающая,
падать не боясь,
единственная,
вдребезги родная
красавица,
низвергнутая в грязь,
простуженная, хрипящая, босая,
не верящая больше ни во что,
способная
и жить, и умереть
играя,
та, без которой я никто, –

в последний раз,
коль суждено судьбою,
не плача,
не страшась и не скорбя,
дышать,
мечтать,
молиться перед боем
Тобою
о Тебе
и за Тебя!

Суббота суетна и праздна,
Но мы питаем слабость к ней
За некое разнообразье
В ряду однообразных дней.

Допустим, ждёте вы кого-то,
Но, боже мой, в какую даль
Уводит лестничных пролётов
Многоэтажная спираль!

Допустим, ничего не ждёте,
Но вот уже проснулся дом
И пахнет из дверей напротив
Любимым вашим пирогом.

И незадолго до обеда
Пойдёте вы за молоком
И молча на кивок соседа
Своим ответите кивком.

Прошли семь пятниц на неделе,
И наступил последний час:
Всё то, что сделать вы хотели,
В субботу поджидает вас.

И вы помириться с женою
Часам, быть может, к десяти,
Когда эпоха в день длиною
Уже закончится почти.

Когда прикрутите, прильёте
Один-второй шуруп и гвоздь,
И запоёт сосед напротив,
И подпоёт соседу гость...

Уже спина привычно ноет...
Уже вы в койке нагишом...
И плачет кто-то за стеною
И пляшет выше этажом.

Я был один. И ты была одна.
А ночь пришла –
случайна и мгновенна.
Давай нальём зелёного вина
И выпьем за большие перемены.

Не в целом мире – что ему до нас?
Не в судьбах наших –
судьбам не прикажешь.
За то, что мы с тобою здесь сейчас
Друг другу что-то светлое
расскажем.

И, может быть, в межзвёздной
тишине,
Простреленной навывлет
лунным диском,
Далёкое и дорогое мне
Окажется тебе родным и близким.

И тайны все, и помыслы твои
Откроешь ты, не обронив ни слова,
И в жизни, сотню лет ещё живи,
Ни лучшего не будет, ни другого.

Бог мой, как много помнит тишина!
Она с годами медленней и громче.
Давай нальём зелёного вина
И, память не тревожа,
выпьем молча.

За то, что этой ночью ты со мной,
За этот взгляд,
за этот карий омут
С холодной отражённою луной,
Прижавшейся к ночному окоёму...

Я знаю, что умру.
А кто не знает?
Вон та сосна в бору
И ёлка с краю.

И тот далёкий плёс
И этот камень,
Береговой откос
И даже пламя
Погасшего костра
Над быстрой речкой.

Они сгорят, дрова.
Но пламя – вечно.

ОН В «ГРОЗОВУЮ СТЕПЬ ВЕРНУЛСЯ...»

Нина СЕМЁНОВА,
село Сычёвка Алтайского края

конкурс

Уважаемые читатели! Я не ставлю перед собою цель сообщить об Анатолии Пантелеевиче Соболеве что-то новое, до этого неизвестное... В 1943 году А.П. Соболев семнадцатилетним ушёл добровольцем на фронт. Воевал и служил матросом на Северном и Балтийском флотах. Был военным водолазом. Более трёх тысяч часов он провёл под водой, обезвреживая мины, торпеды, поднимая затонувшие корабли.

Дважды при вынужденном ускоренном подъёме с больших глубин у него развивалась кессонная болезнь. Впервые в возрасте 19 лет. Эта невыносимо тяжёлая работа подорвала его здоровье: у него были повреждены сосуды...

В романах и повестях Анатолия Пантелеевича встречается достаточно много эпизодов, которые не исчезают из памяти после их прочтения, а остаются внутри нас, заставляя сопереживать и волноваться. Они продолжают жить не только в глубинах памяти, но и в самых сокровенных уголках сердца.

Я надеюсь, что взятые отрывки текстов, которые стали основой для написания стихов, помогут читателям, особенно тем, у кого нет возможности перечитать все произведения А.П. Соболева, понять внутренний мир писателя и его героев.

В своих стихах я стремилась выразить свое отношение к этому прекрасному Человеку, который любил свою большую и малую Родину, свой народ, своих земляков.

Любовь к родной земле давала Анатолию Пантелеевичу силы преодолевать служебные, творческие и обыкновенные повседневные, бытовые трудности, которых было достаточно много в его не очень продолжительной, но яркой, насыщенной интересными событиями жизни.

«РОМАНТИКА» МОРЯ

- Как там торпеда?
- Всё в порядке. Тащат в море, – ответил мичман.
- Тащите и меня! – взмолился Костя. – Околел я тут.
- Ничего, сиди.

Костя знал, что мичман для перестраховки всегда передерживает водолаза на выдержке.

– Сиди! – недовольно повторил Костя. – Сам бы тут посидел.

– Не ворчи.

Костя хотя и ворчал, но отлично понимал, что мичман поступает правильно, о его же здоровье печется. Чтоб уж наверняка без кессонки обойтись. И тут уж просись не просись, а отсидеть на выдержке положенное придется.

– Реутов! Тревога! Срочно вверх! – вдруг раздался то-ропливый голос мичмана.

«Налет!» – сразу понял Костя. А в шлеме уже ревел воздух – это мичман открыл до отказа вентиль баллонов со сжатым воздухом. Костя прижал нос к иллюминатору и начал «продуваться», чтобы не полопались барабанные перепонки, когда будет вылетать вверх. А его уже выбрасывало из воды!

Дергушин, Хохлов и мичман взяли за резиновый фланец водолазной рубахи и под возбужденно-веселый крик Дергушина: «Раз, два, три!» – растянули ворот, и Костя выскочил из скафандра по пояс. Костя сел на бухту шланга, чтобы стянули рубаху с ног, у него вдруг закружилась голова и тягостно потянуло в груди, будто вот-вот стошнит.

– Ты чего? – тревожно спросил мичман, и светло-голу-

бые глаза его заострились. Ничего, – с придыханием ответил Костя, но его уже окатило холодом в предчувствии беды.

Бесконечно огромный мир потерял свою устойчивость, покачивался, стило мерцал, бесстрастно-сторонний, чужой, в лучах какого-то необъяснимого света, неизвестно откуда исходящего.

– Ну что? Как?

Мичман испытующе заглядывал в глаза, и Костя видел, как побледнело вечно красное, нахлестанное ветрами лицо мичмана, видел, с каким испугом смотрели на него Хохлов и Дергушин. Костя хотел было беспечно улыбнуться в ответ, но не успел. Дикая боль полоснула по ногам, пронзила от паха до самых кончиков пальцев на ногах, и он, глухо охнув, задохнулся от жгучей рези. Дневной мир пошел темными кругами.

Не успевший выйти из крови азот «вскипел» и рвал Костя кровеносные сосуды. В глазах стоял багровый туман. Казалось, режут тело чем-то раскаленным. Он кричал, со стоном всхлебывая воздух. Казалось, он чувствовал, как под кожей вспухают и лопаются пузырьки, отдирая кожу от мяса. Он терял сознание, погружаясь в красную зыбкую тьму, то пробивался сквозь болевую пелену, будто выныривал, и тогда слышал, как мичман горестно повторял:

– Не хватило выдержки! Не дал этот гад – прилетел!

И прежде чем совсем потерять сознание, прежде чем хлынула в голову горячая тьма, Костя успел подумать, что выдержка оказалась мала – «юнкерс» не дал досидеть.

А.П. Соболев. «Грозная степь».

Барнаул. Алтайское книжное издательство.

«Награде не подлежит». 1990 г.

★ ★ ★

ВАХТЫ

«Вернись, вернись! Куда ты?! – как сквозь воду раздался испуганный голос, и кто-то стал бить меня по щекам.

В тот раз уйти в никуда, в запредельные дали мне не позволила молоденькая сестричка с удивленным взглядом и широким ртом. Я отозвался на ее призыв и вернулся к жизни. Потом я прочитаю у Арсения Тарковского: «Человеческое тело – ненадежное жильё».

До сих пор не пойму, как мне удалось удержаться в этом жильё. Я и теперь просыпаюсь с испуганно бьющимся сердцем, когда в предутренней сонной пелене вдруг возвращается ко мне далекое прошлое.

Сдирали с вас когда-нибудь кожу? Горели вы в огне? Поднимали вас на дыбу?

Подобное бывает при кессонке, когда кипит кровь и азотные пузырьки, не успевшие выйти из нее при перепаде давления, рвут кровеносные сосуды и кажется, что ты слышишь, как кожа отдирается от мяса. Ты горишь в огне, стеклянно-острая боль режет внутренности, умирает плоть, и тянется хрип из чужого тебе горла, и ты не сразу краем сознания понимаешь, что кричишь ты сам, что все это происходит с тобой, и ты молишь о смерти, как об избавлении от невыносимых страданий.

В этой боли все: и удушье повешенного, и муки сжигаемого на костре, и острота гильотины, и вытягивание жил из тела, поднятого на дыбу. Дикая боль огненными, выбивающими из сознания волнами катит через тебя – и тогда ты рад смерти. Не дай бог вам испытать это!

Страшно смотреть на свое тело после кессонки: кровоподтеки, синева и оранжевые разводы на мертвенно-восковой коже. Парализованное, трупное, чужое тело, и ты не узнаешь его.

Я много раз умирал в мыслях, но умирал красиво: бросался на амбразуру или с поднятым флагом уходил под воду на торпедированном корабле или в рукопашной схватке, уничтожив несметное количество врагов. А умирать пришлось в зловонии и грязи. Как я хотел тогда быть раненным в голову, в грудь, куда угодно, лишь бы не кессонка – грязная вонючая беда. Никакого благородства у этой болезни.

...Девушка говорила что-то обнадеживающее, но я-то знал, что после кессонки можно остаться парализованным. Я-то видел своих друзей на костылях после госпиталя. Сильные, здоровые парни вдруг становились калеками. Неужели настал мой черед?

И начались мучительные дни борьбы за свое тело, за право быть нормальным человеком, потянулось долгое время ожидания.

Я смотрел на свои руки в кровоподтеках и синяках, шевелил ими, сжимая и разжимая, и ликовал: живы!

Смотрел на бесчувственные ноги-бревна, тоже в кровоподтеках, с желтыми разводами и в фиолетовых пятнах – они были чужими, и меня окатывало холодом: а вдруг на всю жизнь?»

А.П. Соболев. «Якорей не бросать».
Москва. «Современник». 1986 г.

После двух кессонок, периодических длительных лечений, после съемок кинофильмов по его произведениям, после напряженной работы над военными повестями и о фронтовых друзьях – он снова в море.

Галина Георгиевна Васюкова-Соболева писала, что в 1972 году ушел на полгода в рейс на рыболовецком траулере, чтобы собрать материал для новой книги. Ушел не корреспондентом-наблюдателем, а простым матросом, чтобы полнее ощутить ту атмосферу, в которой живут рыбаки, испытать на себе все тяготы их нелегкого труда, ибо писать он мог лишь о том, что хорошо знал.

В одном из своих писем домой Анатолий Пантелеевич писал: «12 часов работы сначала выдерживал с трудом, сейчас втянулся. Да и после выгрузки рыбы, когда за четыре часа смены через руки проходит 10 тонн, вахта кажется детским лепетом. Почти все я уже испытал на своей шкуре и книгу буду писать со знанием дела».

Г.Г. Васюкова-Соболева. «Он родился на Алтае».
Барнаул. 1991 г.

★ ★ ★

«Глухая ночь. Студеный ветер врывается в открытое лобовое окно, возле которого сидит на откидном стульчике капитан в полушубке с поднятым воротником и в надвинутой на глаза фуражке.

Сырой, с брызгами «норд» гуляет по затемненной рулевой рубке, пронизывает насквозь, а мне жарко. От неподвижного стояния у рулевого пульта закаменели мускулы ног. Чувствую, сейчас сведет судорогой, этого еще мне не хватало!..

По спине щекотливо течет ручеек. Всего полчаса стою на руле, а от напряжения и безуспешного старания удерживать судно на заданном курсе взмок. Окаянная «Катунь»! То влево ее несет, то вправо тащит. А по сторонам мель на мели. Идем узким фарватером.

Капитан у нас Арсений Иванович Носач. Грозный и вспыльчивый морской волк. Он уже много часов подряд не покидает место у открытого лобового окна рулевой рубки, напряженно всматривается в темноту ночи и хриплым голосом бросает отрывистые команды, с которыми я не справляюсь.»

А.П. Соболев. «Якорей не бросать».
Москва. «Современник», 1986 г.

★ ★ ★

«И вот эта «сборная», одетая в ватники, шапки, свитера, валенки и рукавицы – в трюме двадцать пять градусов мороза, – безостановочно бегают с тридцатикилограммовыми коробами мороженой рыбы на плечах.

...Отработали час. Выдержать бы этот бешеный ритм! Первые площадки загружались легко, сил еще было много. Даже в охотку было поразмяться. Но с каждой новой площадкой, с каждым коробом, взваленным на плечо, с каждой минутой чувствую, что выдыхаюсь. А впереди еще три часа! Не свалиться бы.

...К концу вахты измотался так, что бегу с коробом, а самого шатает. Неужели не будет конца этой беготне! Уже не могу отодрать короб с палубы – выпадает из рук.

Силюсь, тужусь, злюсь, а поднять не могу. Помогают матросы. Будто ненароком. То Мартов, то Мишель де Бре, то Эдик. Да еще обгонят в общей веренице, притащат два короба, пока я с одним трюх-трюх.

И вдруг – стоп! Тишина. В гулкой туманной пустоте трюма слышно только частое дыхание матросов, и квадрат голубого неба не заслоняется черным пластырем площадки. Свистать всех наверх!

Лезем по отвесному трапу наверх. Скорей, скорей отсюда! Пошатываясь, бреду по коридору. Со стороны посмотреть – пьяный. В каюте с трудом стягиваю железные валенки, пропотевшую одежду. Руки трясутся, ноги подгибаются, все тело дрожит каждой жилкой, стоном стонет. Кажется, никогда в жизни так не уставал. Только однажды, в октябре сорок четвертого, когда штурмовали Муста-Тунтури, думал, помру от усталости. Не от пуни, не от осколка, а именно от изнеможения.

На меня тогда усталость навалилась – смертная! Со страху, видать. Ноги пудовые, автомат будто чугунный, обрывал руки – лезу, карабкаюсь по гранитным валунам, стараюсь не отстать от старшины, хрипло кричу вместе со всеми «Ура-а!», даже не кричу, а издаю какой-то сип со всхлипами, выбиваюсь из сил и думаю: «Все! Конеч! Сей-час сердце лопнет».

И теперь вот то же: умыться не могу, не могу разжать пальцы, не могу наклониться над раковиной. Смотрю на себя в зеркало. Лицо обрезаюсь, глаза запали, волосы слиплись сосульками. «Ну, алтайский парнишонка, знаешь теперь, какова рыбацкая работа! А что дальше будет? Не знаешь – пустите домой к маме». Хочу умыться и не могу».

А.П. Соболев. «Якорей не бросать».
Москва. «Современник».

ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

– Почтим память павших!

Хриплый голос Носоча напряженно вздрагивает. Матросы поднимаются, стоят, хмуро сдвинув брови. Они

О МАЛОЙ РОДИНЕ

А.П. Соболев родился в 1926 году в большом алтайском селе Кытманово. Однако сам Соболев звал родиной далекое от Кытманово село Смоленское.

Это не по забывчивости – мы зовем родиной тот уголок земли, где начали понимать себя, видеть мир осмысленными глазами. Да сами они и похожи – эти пристенные села, так что, может быть, они слились в его детской памяти в одно.

И речка, и дом, и здание бывшего райкома напротив, где отец работал секретарем, остались неизменными, детски узнаваемыми на старых фотографиях Смоленского народного музея, который Соболев любил навещать, приезжая на родину в последние годы.

Музей был ему тем дорожке, что если для других материалы были только избранными страницами общественной истории, то для него эти тексты и фотографии были домашним альбомом семейной хроники.

молоды, румяны, войны не знают. Счастливые люди! «Катунь» слегка покачивает, на камбузе позвякивает что-то, будто солдатский котелок тех давних и грозных времен, а здесь, в столовой, тишина.

– Прошу садиться, – говорит Носач. – Слово Римме Васильевне, ветерану войны.

Мы садимся, а Римма Васильевна, наш судово-вой врач, начинает рассказывать молодым рыбакам, как в войну она работала в военном госпитале...

– Ветеранов приглашаю в кают-компанию на праздничный ужин, – говорит Носач.

В кают-компании накрыт стол. Нас шестеро ветеранов: сам капитан, начпред Егорыч, старший трапмастер Соловьев, механик-наладчик Петр, Римма Васильевна и я. – За Победу! – поднимает стакан капитан.

За столом нет веселья. Хочется молчать и думать о своем. И еще боль в сердце. Эта боль всегда настигает меня Девятого мая. Каждый из нас в ту войну шел своей тропинкой, своим путем – по общей дороге к Победе. И вот теперь мы сидим за столом на судне, посреди океана. Люди одного поколения, оставшиеся в живых.

За столом тишина. Каждый думает о своем. Римма Васильевна всю жизнь одна. Муж убит девятого мая сорок пятого года. Он был хирургом в медсанбате и делал операции, раненые шли на стол конвейером. В расположении санбата из лесу вышла эсэсовская часть. Мужа убили прямо у операционного стола. А сама Римма Васильевна, к этому времени уже беременная, отстреливаясь, отступала с санитарями в лес.

Теперь она уже бабушка. Последний рейс идет. «Схожу вот – и все», – заявила как-то Римма Васильевна. «Ну нет», – ответил на это заявление Носач, – мы вас не отпустим. С флота уходить будем вместе. Мы без вашего надзора тут все переболеем. Так что эти пораженческие мысли оставьте, это я как капитан приказываю. Не-ет, якоря нам еще рано бросать...»

А.П. Соболев. «Якорей не бросать».

Не зря Соболев в каждой военной книге находил своим героям земляков, чтобы они могли обогреться воспоминанием друг подле друга и чтобы в трудный час видели одобряющий взгляд родного дома и поля.

В последние годы он рвался и рвался на родину, присматривался, приноравливался душой, часто говорил об этом, чтобы уже дороги назад не было, и вот не успел...

Теперь он сам лежит в Смоленском рядом с этимobeliskом, все так же «незримо рядом» с погибшими земляками, и это наполняет его военные книги какой-то особенно тревожной и горькой подлинностью, словно он оставался на земле, чтобы договорить их правду и веру, а теперь догнал их, чтобы уже не размыкать строя. А оркестр плачет теперь в День Победы и над ним, как плакал он над его товарищами, его героями в повести «Награде не подлежит».

Валентин КУРБАТОВ.
«Право писать правду».

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДОНОР

**Алексей КАРЛИН,
г. Хабаровск**

Этот автомобиль мы обнаружили с супругой 1 сентября прошлого года, за сутки до начала празднования 64-й годовщины со дня окончания второй мировой войны. Позвонил человек и предложил встретиться. Я по привычке нажал на трубке кнопку громкой связи.

– Знаю ваш интерес к исторической технике. – Незнакомец по ту сторону телефонной трубки говорил уверенно, но немного сбивчиво. – «Газик» один у меня имеется... Хочу вам его предложить. Правда, печальная история с ним связана.

– Ох уж эти печальные истории! – жена укоризненно покачала головой. – Авария, кровь, жертвы... Оно нам надо, такое наследство?

– Вы меня не поняли – продолжал незнакомец. – Никаких жертв. «ГАЗ-67Б», о котором я говорю вам, одно время возил маршала Родиона Яковлевича Малиновского. В итоге машина была оформлена на его личного шофёра. Шофёр этот уже лет двадцать как умер. «Газик» в итоге перешел к его сыну, который хотел машину отреставрировать, но так почему-то и не решился после смерти отца войти в его гараж. Два месяца назад наследник скончался, и супруга его Галина попросила меня решить судьбу автомобиля. Наживаться она на нём не собирается и готова продать за ту сумму, в которую вы его оцените. Причём без всякого торга. Так вы будете машину смотреть?

Памятуя о похожей истории с «ЗИМом» Шолохова, мы с радостью согласились осмотреть автомобиль-ветеран. Михаил, так представился звонивший, любезно согласился нас «подбросить до гаража». Не прошло и двадцати минут, как серебристый «Марк-II» с тонированными стёклами, шелестя по асфальту новой резиной, нёс нас на встречу с маршалским джипом.

– Машина сильно околхожена? – поинтересовался я, используя специфический для любителей автостарины новояз.

– Да что вы, какой колхоз?! – Михаил удивлённо посмотрел на меня. – Я же вам сказал, что «газик» работал при Штабе КДВО... Маршала возил...

Наступила минутная пауза.

– Алексей спрашивает: «Сильно ли модернизировал дедушка машину, много ли в ней сохранилось родных деталей?» – Супруга решила выступить в качестве «переводчика».

– А-а... Вот вы о чём! – рассмеялся Михаил. – Имей-

те терпение, молодые люди. Уже подъезжаем. Сейчас сами всё увидите.

Красавец «Марк» с лёгкостью преодолел крутой подъём, и перед нами, словно из-под земли, выросли большие зелёные ворота с красными звёздами, по левую сторону от которых в бессистемном порядке стояли многочисленные железные и деревянные гаражи. К гаражам вела разбитая грунтовая дорога, по обе стороны которой валялись старые покрышки, пластмассовые бутылки из-под моторного масла, а прямо по центру дороги, больше напоминающей русло наполовину высохшего ручья, лежали основательно измятые капот и багажник от «ГАЗ-24», исправно выполнявшие функцию импровизированного мостика. Сама «Волга», когда-то белого цвета, с промятой крышей, перекошенными дверями и на давно уже спущенных шинах, стояла чуть дальше, свирепо глядя пустыми глазницами фар куда-то в сторону Амура.

– Дальше пойдём пешком, не хочу гробить машину на этих ухабах. – Михаил выключил зажигание. – Видите белую «Волгу»? В трёх метрах от неё гараж. Так что вылезайте. Приехали.

Чувствуя себя героями фильма «Сталкер», мы не спеша двинулись за Михаилом, то и дело спотыкаясь о разбросанный автолюбителями мусор. Российская автомобильная культура непобедима, как и вечная полынь с человеческий рост, вскормленная отходами жизнедеятельности отдельно взятого ГСК.

Гараж представлял собой небольшую, добротную сколоченную сараюшку, с большим амбарным замком, скрытым от посторонних глаз зарослью всё той же полыни, успешная борьба с которой отняла у нас какое-то время. Замок поддавался тоже не с первого раза. Выручил сосед по гаражу, ремонтировавший в нём свой «Запорожец». Несколько раз побрызгав в замочную скважину «Унисмой», мы добились желаемого результата. Замок громко клацнул и открылся. То, что представало нашим изумлённым взорам, напоминало скорее знаменитую «Антилопу Гну» из бессмертного произведения Ильфа и Петрова, нежели фронтальной джип 40-х годов прошлого века. Автомобиль, покрытый огромным слоем пыли, стоял к нам задом. Под фонарём освещения номерного знака висел старый чёрный номер квадратной формы. Солнце лениво заиграло в красных катафотах, закреплённых по бокам задка, давая «гази-

Архив Алексея и Эльвиры Карлиных. г. Хабаровск.

ку» робкую надежду на предстоящее воскресение из мертвых.

– Сперва перекурим, – предложил я, мысленно оценивая грядущую работу по выдворению «газика» на свет Божий.

Супруга, стоящая в отдалении, указав тонким пальчиком в район гаража, неожиданно произнесла: «Здесь без прочного железного троса не обойтись. Машина после двадцатилетнего стояния стопроцентно не заведётся. Хотя и трос здесь неуместен. Посмотрите, «газик» стоит на спущенных шинах. В таком виде его выкачивать нельзя. Это же раритет».

Михаил, поперхнувшись табачным дымом, буркнул: «Тогда, мадам, прошу в гараж. Будем смотреть там».

Пыль, металл, солдатская шинель, висевшая на гвоздике в углу гаража, начатая пачка папирос «Любительские», лежавшая на капоте «газика», пустая бутылка из-под алкоголя с названием «Зубровка», притаившаяся под задним колесом, и ещё раз пыль, причём лохмотьями. На деревянных полках гаража аккуратно, кверху дном, были расставлены трёхлитровые банки из-под берёзового и яблочного сока, лежали маленькие картонные коробочки с разнообразными резинками, уплотнителями, ветошь из старых армейских рубашек. Чуть позже в углу, под шинелью, я заметил чехол от ружья и нехитрые рыбацкие снасти.

– Отец покойного Коли три войны прошёл... Дожил до девяноста пяти. Рыбаком, охотником знатным был... Вот и переделал «газончик». А последние пять лет уже не мог ездить. По старости... – Михаил подкурил вторую сигарету и не спеша продолжил: – Придёт, бывало, в гараж с бутылочкой, поставит её на капот, нальёт в стаканчик грамм сто пятьдесят, выпьет, хлебом бородинским закусит... Потом молчит долго, а мы с Колей глядим на него и понять не можем, то ли это у него от

солнца глаза слезятся, то ли опять дед войну вспомнил... Подмигнет, бывало, наденет свою солдатскую шинель, прокатит нас по ГСК и снова машину в гараж ставит. Через недели две снова зовёт нас «друга реанимировать». Зимой не ездил...

Час прошёл незаметно. Тщательно, насколько позволяла свободная площадь гаража, мы просмотрели с супругой автомобиль сантиметр за сантиметром. От того «ГАЗ-67Б», на котором ездил маршал, из «родного» остались только крылья, фары, капот и, главное, – двигатель. Автомобиль был поставлен на раму «ГАЗ-69», соответственно, дедушка его удлинил. Радиатор стоял от «ГАЗ-21» и об-

лицовочную решётку пришлось распилить и добавить ещё одно звено. Двери в количестве четырёх, вместо положенных двух, стояли от «ГАЗ-69А». Металлический верх был наварен грубо и неаккуратно. Для охоты и рыбалки, особенно в те годы, – техника незаменимая, но не для реставрации.

К большому разочарованию Михаила, от автомобиля нам пришлось отказаться. Дабы успокоить совесть, утром следующего дня я позвонил в приёмную директора клуба «Авторетро» Анатолия Аблемитовича Насырова и оставил секретарю информацию о «газике», включая номер телефона Михаила.

Прошло полгода. 1 марта 2010-го мы с супругой решили съездить в гости к одному любителю автостарины с целью посмотреть грузовик «Урал-ЗИС» 50-х годов, выставленный любителем на продажу. В запасниках любителя (его фамилию он просил не упоминать) мы и обнаружили тот самый «ГАЗ-67Б» маршала Малиновского. Вот такая встреча на Эльбе! Автомобиль послужит донором для другого «ГАЗ-67Б» кузов которого в идеальном состоянии был доставлен из Владивостока. Вот тут и пригодятся крылья, фары, капот и двигатель с маршальского «газика», и скоро хабаровчане смогут увидеть на улицах дальневосточной столицы ещё один раритет времён Великой Отечественной Войны, возвращённый к жизни профессиональным реставратором. Но мало кто из жителей нашего славного города будет знать, что в этом новеньком джипе 40-х годов будет «биться сердце» автомобиля, возившего великого русского полководца Родиона Яковлевича Малиновского, так много сделавшего в послевоенное время для Хабаровска и всего Дальнего Востока.

КРАСНЫЙ РАТОБОРЕЦ

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток

Продолжение. Начало в «ЛитМ» №2 (2010 г.)

Историко-литературный очерк (документы, воспоминания, версии).

К 90-летию разгрома Охотского фронта Сахалинской области партизанской армии ДВР под командованием Якова Ивановича Тряпицына.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ПОЛКОВНИКА ВИЦА

Накануне переговоров из Николаевска вышел обоз с провиантом, рождественскими подарками и письмами для белых офицеров и солдат отряда полковника Вица. Но ему суждено было быть захваченным красными лыжниками. Тряпицын этот козырь тоже использовал грамотно, вернув конфискованное полковнику, чем еще больше напугал белогвардейцев. Стало ясно, что им на самом деле грозит окружение. Рядовой состав зароптал, узнав, что пленных не расстреливают.

Путь к городу был отрезан. Последний заслон, на который надеялись в Николаевске, находился на грани ликвидации. Виц решил не вступать в бой и увел отряд в бухту Де-Кастри (ныне – залив Чихачёва), где можно было перезимовать и весной ждать японского подкрепления со стороны моря. Основная масса личного состава, сагитированная красными, пополнила ряды партизан.

В Киселевке бунт подняли казаки. Убив атамана, они признали Советскую власть. Армия Тряпицына пополнилась еще двумя десятками бойцов, что позволило сформировать две новые роты.

Мобильный отряд лыжников, которым командовал житель села Малмыж охотник Д. Д. Ильин, знавший ульчский и нанайский языки, успешно настиг отставшего от основного обоза офицера Иванова, что стоило тому жизни...

Несмотря на сложность перехода, 11 января в 11 часов утра 1920 г. белые в составе 48 человек, из них 10 офицеров и 4 почтово-телеграфных чиновника, достигли Кластер-Кампского маяка и организовали оборону. Партизаны прибегли к тактике ожидания, брали людей на измор. Несмотря на безвыходное положение, Иван Николаевич Виц вел подробный дневник тех событий. Он сохранился. В предсмертном послании своим родным Виц писал:

«Это письмо, может быть, последнее в моей жизни. Обращаюсь к вам, мои дорогие, из осажденного маяка под Де-Кастри. Здесь я с остатками отряда в числе 10 офицеров и 35 солдат и нескольких чинов сидим, осажденные красными, два месяца, едим очень и очень мало: полтора фунта хлеба черного, пьем воду вместо чая. И только вот 9 марта узнал и поверил, что Николаевск взят красными, и даже японцы не смогли ничего сделать. Вся власть перешла в советскую. Мы должны сдать, причем нам обещали гарантировать жизнь, но не знаю, выполнят ли свое обещание красные.

И вот через два-три дня нас арестованными пошлют из Де-Кастри в Николаевск. Что будет дальше – не знаю»¹.

В продолжение своего письма полковник сетует на массовое разложение отряда и дезертирство низших чинов, отмечая при этом, что офицеры и некоторые солдаты «... совершенно недисциплинированные и берегущие главным образом свою шкуру и мечтающие только о своих семьях и благосостояниях в Николаевске, склонились на сдачу красным... Я еще размышляю: где покончить с собой? Здесь, на маяке, или испытать все мытарства у красных, и если Бог увидит и услышит правду, то тогда, освободясь, поеду во Владивос-

ток...»² После недолгих колебаний полковник застрелился...

Армия Тряпицына после вышеизложенных событий насчитывала 1300 бойцов. Отдельные отряды были сведены в два мобильных полка. Первым командовал Д.С. Бузин-Бич, вторым – Т.И. Наумов-Медведь (бывший офицер царской армии), отрядом лыжников, куда входили ульчи, нанайцы, нивхи, негидальцы и русские, командовали Коцуба-Борзов и Фомин-Востоков. Сергей Бровченко, житель села Князе-Волконское, принял кавалерийский эскадрон. Отдельной интернациональной ротой, состоявшей из китайцев и корейцев, командовал Гордилов-Громобой. Какое-то время за тыловое обеспечение (связь, снабжение, медицинская помощь, транспорт) отвечал Болдырев, но он просто-напросто проворовался, и ревтрибунал приговорил его к расстрелу за мародерство.

Стратегически и тактически армия Якова Тряпицына действовала грамотно, что не замедлило сказаться на безвыходном положении белых, засевших в Николаевске.

Полковнику Медведеву удалось поставить под ружье лишь 250 человек. Тряпицын же на 28 февраля 1920 г. имел 3 тысячи боеспособных партизан. Несколько раньше, 16 февраля, объединенные полки стали именоваться Красной Армией Николаевского фронта.

Это был триумф бывшего прапорщика царской армии. Смелость и решительность в сочетании с острым умом сделали его народным героем, молва о котором неслась по всей Сахалинской области. В этот период его полководческий талант можно было поставить в один ряд с талантом Щорса, Чапаева, Фрунзе, Лазо, других военачальников.

Позже, после двойного ранения в ногу, Тряпицын получит кличку «хромой царёк», а его верные соратники обвинят его во всех расстрелах и порках мирного населения Николаевска, приамурских и приамгуньских сел.

Если взглянуть на вещи объективно, то не трудно понять, каким войском командовал Тряпицын. Вот выдержка из воспоминаний иностранца Г.О. Дайера, управляющего «Выглядели они настоящим сбродом. Мне пришлось увидеть на них формы всех наций, но ни одна не представляла собой полной экипировки, за исключением имевшейся у дезертиров белой армии и тех из красных, которым посчастливилось найти убитого белогвардейца и снять с него одежду, оставив ему взамен последней свою. У одного было только охотничье ружье. У другого полицейская шашка, у некоторых – винтовки, пистолеты, ножи, ручные гранаты... громадное количество снаряжения, в особенности – ружейных патронов»³.

Тем не менее, дела на фронте шли успешно. Пока бело-японские войска готовились к защите Николаевска, красный отряд дожил отряд Вица на Кластеркамском маяке. Голодные офицеры и солдаты держались достойно до момента вступления красных в город. Вицу по телефону сообщил о взятии Николаевска Стрельцов-Курбатов, возглавлявший осадный отряд. Поступило предложение сдать. Полковник отправил в город надежным людям пять засекреченных телеграмм и ждал подтверждения данных. Один из ответов был таким: «Киса, не качай. Ванюша здоров». Только теперь полковник

направил на переговоры офицера Пустовалова и одного солдата. Парламентеры вместе со Стрельцовым-Курбатовым выехали в Николаевск. В штабе Красной Армии, около часа дня, было получено заверение, что дела отряда будут рассмотрены скрупулезно и невинные не пострадают. Как только Виц получил сообщение об этом, сразу приказал сдавать оружие. Партизаны же, на основании решения ревштаба, на берегу бухты расстреляли 12 человек, а остальных, отступивших, ликвидировали в тайге.

Сам Иван Николаевич перед тем, как застрелиться, оставил предсмертное письмо, адресованное смотрителю маяка капитану I ранга Н.Н. Оводову, впоследствии расстрелянного красными. *«Милостивый государь Николай Николаевич! Обращаюсь к вам как к старому русскому офицеру, прося быть, так сказать, моим душеприказчиком. Передайте господам офицерам и солдатам Николаевского батальона мое последнее прощание. Пусть знают и не смеют исказить причину моей смерти. Я умираю не из-за трудности или за какую-нибудь провинность, нет, я чист и прав перед вами, тверд и крепок духом, но не могу больше видеть и чувствовать гибель нашей Родины – Святой Руси. Доведите до сведения гражданина Тряпицына, что довольно ему и красным морочить измученный русский народ. Который они ведут по пути гибели.»*

Тряпицын! Напоминаю вам, что вы при встрече с нами в Мариинске, вероятно, случайно раскрыли свои карты и высказались так: «Я – анархист, сейчас иду против существующей власти, а потом против Советской власти.»

С кем вы пойдете? Конечно же, не с японцами, а с теми вами обманутыми русскими людьми, приучая русского человека жить не честным своим трудом, а грабежами и насилием...

Прошу вас, Николай Николаевич, мое огнестрельное оружие с остатками боевых патронов передать Тряпицыну как эмблеме смерти...

Оканчивая это письмо, прошу простить меня за причиненный общий беспорядок на маяке. Помолитесь за меня. Полковник Иван Виц.

27 февраля 1920 года старого стиля, Клостеркамский маяк у Де-Кастри»⁴.

Тело истинного русского офицера сторожа маяка предали земле. Красные выкопали труп полковника и, пригрозив сторожам, бросили его на песчаной косе... До сих пор место захоронения полковника Вице неизвестно.

Красные подтянули свои войска к Денисовке, а 12 января сводный русско-японский отряд атаковал село, но, потеряв двух солдат, отступил в Касьяновку. Спустя два дня лыжники Фомина-Востокова нанесли по Касьяновке серьезный удар. Противник бежал в Какинскую бухту. Попутно красные заняли Сахаровку и Архангельское.

Командующий экспедиционным полком, расквартированным в Николаевске, майор Исикава заметно нервничал, предвидя окружение. Он отдает приказ покинуть Какинскую бухту и вернуться в Николаевск. Красные ждали этого маневра и устроили засаду у Кабельного домика, где по приказу Фомина-Востокова был открыт плотный огонь. Трофеи составили добрую прибавку к уже имеющемуся вооружению. На поле боя колчаковцы и японцы бросили 2 пулемета, винтовки, подводы с боеприпасами, снарядами и провиантом.

20 января партизаны завершили окружение Николаевска, выйдя к городу от села Личи и Половинки, отрезав крепость Чныррах от основных сил противника. Фомин-Востоков увел свой лыжный отряд на Сахалин и там установил Советскую власть.

В селе Личи состоялся совет командиров, и было принято коллегиальное решение о преобразовании партизанской армии в регулярную Красную Армию Николаевского фронта. Выборность в частях отменялась, командиры назначались. В

состав штаба Красной Армии вошли: Я. И. Тряпицын – командующий; Д. С. Бузин-Бич – заместитель командующего; Т. И. Наумов-Медведь – начальник штаба; членами штаба стали: А. И. Комаров, С. И. Шерий, Ф. В. Железин. Заведующим торговым отделом и политотделом был назначен П. В. Лехов. Новью образованные полки получили наименования: Первый партизанский полк – командир Коцуба-Борзов, Второй партизанский полк – командир А. И. Комаров, Нижне-Амурский полк – Ф. П. Павлюченко, Горно-Амгуно-Кербинский полк – И. А. Будрин, Анархо-коммунистический полк – С. И. Шерий.

Здесь же, в Личах, партизаны сформировали Сахалинский областной ревком (город Николаевск был тогда областным центром), возглавил который Федор Васильевич Железин, бывший учитель, принимавший активное участие в боях на Уссурийском фронте в 1918 году. В 1919 году он, как представитель хабаровской подпольной организации, скрывался от колчаковской контрразведки в низовьях Амура.

27 января штаб принимает решение послать в Николаевск парламентариев. Вызвался ехать Петр Михайлович Щетников, верный соратник Тряпицына еще на Имане (ныне –Дальнереченск, что в Приморье). С переговоров он так и не вернулся. Японцы его расстреляли. Это послужило началом операции по захвату крепости Чныррах, откуда город был виден как на ладони. 4 и 6 февраля отряды Стрельцова-Курбатова и Бузина-Бича подошли к крепости, а 13 числа захватили артиллерийские расчеты и радиостанцию.

В Лисицын, уполномоченный польского комитета в Николаевске-на-Амуре, вспомнил: *«...8 февраля последние колчаковские и японские отряды отступили в район города, и он был осажден большевиками. Через пять дней была взята крепость Чныррах, а находившийся там гарнизон из 200 матросов с небольшими потерями отступил в Николаевск. Через неделю после занятия крепости большевики начали обстреливать Николаевск. Попадания были: в военную телефонную станцию, в дом бывшего губернатора, в дом Штарка. 24 февраля бомбардировки уже не было, в тот день начались мирные переговоры между большевиками и японскими и колчаковскими гарнизонами»⁵.*

Мирным переговорам сопутствовало еще одно значимое событие, красноречиво говорящее о том, что Тряпицын всячески пытался без кровопролития занять город: во второй раз на японскую территорию были посланы парламентарии. Теперь их было трое: партизана Орлова сопровождали два китайца. Ответом стал арест Орлова и после жестоких пыток – расстрел. Труп парламентаря нашли выброшенным на лед. Данный факт позже установила Международная следственная комиссия, работавшая уже после вхождения в город красных полков.

Потом японцы на весь мир громогласно заявят, что красные партизаны зверски уничтожали невинных людей. Документы же тех лет говорят о спорности их доводов.

Кстати, было и третье предложение о переговорах, сделанное после того, как под давлением консульств разных стран японцы вытащили на свет божий Декларацию генерал-лейтенанта Сирамидзу (командующий японской армией на Дальнем Востоке) о соблюдении японцами нейтралитета. На деле же в течение всей гражданской войны он напрямую поддерживал белую армию оружием, продовольствием, снаряжением, деньгами и, конечно же, участием в боевых операциях против партизан.

1. Эч В. Исчезнувший город. В. 1920

2. Там же.

3. Дайер Г.О. Хабаровский краевой госархив. Ф 373 с, оп. 1, д. 2 лл. 67-79

4. Эч В. Исчезнувший город. В. 1920

5. Долинский Л. Амурский лиман. Город пепла. № 96-97. 1999

1 августа — день памяти преподобного Серафима Саровского

Андрей Белый

19 июля 1903 года

Памяти святого
Серафима Саровского
Русь! За молитвы взыскал

тебя Бог,
Светлой надежды твоей
не отринул,
В век испытаний, сомнений,
тревог

Твердый в страданьях народ
не покинул.

Старец великий, отец Серафим,
С Господом в славе превичной

сияет,
Ангелы Божьи, архангелы с ним,
Клир серафимов его прославляет.

Василий Платонов

Саровская пустынь

Под сенью вековой дубравы
Струей студеной бьет родник,
Покинув рано мир лукавый,
Отшельник келью здесь воздвиг.
В дни зноя, стуж и непогоды,
Трудясь в обители своей,
Провел суровой жизни годы,
Вдали от света и страстей.
Когда спускались ночи тени
В густых развесистых лесах,
Он становился на колени,
С молитвой кроткой на устах.
Цветов и трав лилось дыханье
Благоуханною струей,
Ключа серебристого журчанье
Молитве вторило святой.

Прошли года — почил отшельник,
Но где бежит его родник,
Где высоко темнеет ельник,
В бору дремучем храм возник.
И там, где птицы громко пели,
Немолчно славя небеса,
В созвучье стройном зазвенели
Церковных певчих голоса.
Где звезд мерцали мириады
И месяц свет свой бледный лил
Сияют яркие лампы,

Сверкает блеск паникадил.
Где в легком ветра дуновенье
Струился запах смоляной,
Клубятся ладана куренья
Туманно-сизую волной.
Там, где смиренно он молился
И где восстал святой алтарь,
Главой державною склонился
Среди народа Русский Царь.

Иван Бунин

Учительный Старец

Кто нам сиял звездой чудесной?
Кто солнцем был
среди тьмы ночной?

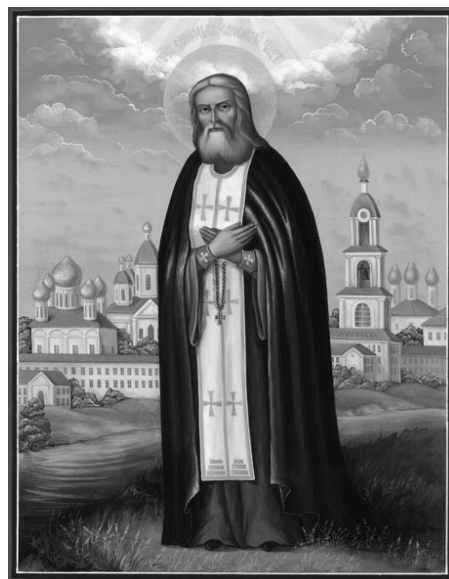
Чей образ прелести небесной
Исполнен в юдоли земной?
Кто нас учил любви великой,
И сам ее примером был?
Пред кем смирялся злобы дикой
В сердцах смятенных ярый пыл?
Кто жаждой вечного спасенья
С дней детства раннего палим,
Кто жил надеждой воскресенья? —
Он — преподобный Серафим!
И ныне всюду вспоминая
Его великие дела,
Молитвам Старца Русь святая
Себя навеки предала!

Диакон Анатолий Трохин

**В Серафимо-Дивеевском
монастыре**

Как цветут в Дивееве цветы!
Флоксы в шапках розового цвета,
Пышных мальв высокие кусты
Чуть дрожат-колышутся
от ветра.
Ноготки, гвоздики, резеда.
Крупные петунии в три ряда.
Легкий рой ромашек

разноцветных,
Чуть подальше — лилии вразброс;
Глянцевито-кожистые ветки
Держат свертки
нежных чайных роз...
А за садом — монастырский храм
Батюшки святого Серафима.

Кажется, как будто он и сам
Пребывает где-то здесь незримо.
Богомольцам просто благодать,
Выходя из храма, отдыхать.
Дети так и бегают по травке
Меж цветочных грядок и куртин.
А вон там, за мальвами, один
Старичок в потертой камиллавке,
В белом балахончике простом
И с большим, поверх него, крестом
С детворой играет в салки,
в прятки,
Кружит по дорожкам цветника...
Детям строить незачем догадки.
Взрослые не видят старика.

Алексей Масаинов

Святой Серафим

Плачем ли тайно в скорбях,
Грудь ли тоскою теснима —
В яснонемых небесах
Мы узнаем Серафима.
— Что с тобой, радость моя? —
«Радость моя...»
Смотрит на нас
Ласково ликом туманным,
лилейным.

Бледно-лазурный атлас
В снежнокисейном.
Бледно-лазурный атлас —
Тихо целует,
Бледно-лазурный атлас —
В уши нам дует:
«Вот ухожу в тихий час...
Снова узнаете горе вы!..»
С высей ложится на нас
Отблеск лазоревый.
Легче дышать
После таинственных знамений:
Светит его благодать
Тучкою алого пламени.

Мой прадед – моряк

**Борис ТИМОФЕЕНКО,
учащийся МОУ СОШ № 57
г. Владивосток**

Моя бабушка рассказывала мне о своих родителях, т. е. о моих прабабушке и прадедушке. Это была морская семья. Оба окончили мореходное училище в Архангельске. Прабабушка, Антонина Степановна, – планово-экономическое, а прадедушка, Евгений Васильевич, судоводительское отделения. Судьбой их распорядилась война. По её воле мой прадед, служивший и воевавший сначала на кораблях Северного флота, оказался на Тихом океане. Его жена, как все жёны моряков, терпеливо ждала вестей от него.

Вместе они прожили 35 лет, их любовь прошла самые жестокие испытания и долгой разлукой, и неизвестностью, и многим, многим другим. Это к ним, моим родным людям, относится, по словам бабушки, стихотворение К. Симонова «Жди меня»:

*Как я выжил, будем знать только мы с тобой.
Видно, ты умела ждать, как никто другой...*

Мой рассказ – о том, как выжил прадедушка. Я опируюсь не только на воспоминания бабушки и моего папы, но и на замечательную книгу Г. Руднева «На морских дорогах войны». Читая страницу за страницей, я вижу, как мужественно сражались наши моряки, среди которых был и мой прадед. Я испытываю чувство гордости за их бесстрашие и отвагу, и чувство ненависти к врагу.

Опасным было судоходство в Тихоокеанском бассейне, где в 1943 году оказался Е.В. Соколов, мой прадед. Двадцать пять кораблей было потоплено, в их числе и корабль, на котором ходил мой прадедушка.

Горько и обидно сознавать, что его пароход был торпедирован американской подводной лодкой «Софиш». Эти страницы книги я знаю почти наизусть: «17 февраля в 7 часов 45 минут утра (это день рождения моего прадедушки, ему исполнилось тридцать лет), пароход был торпедирован».

Судно затонуло за три минуты. О чём думал в это время старпом Б. Крамской, увидевший три торпеды, стремительно мчавшиеся к судну; боцман М. Семеновкин, успевший в мгновение ока сбросить плоты в море; мой прадед, кинувшийся к радиорубке, пытаясь спасти начальника радиации А. Спинова? Спустя много лет дедушка говорил моему отцу: «Думать было некогда, хотелось выжить, и мы действовали». Дедушке повезло: на счастье, ему попала под руку доска. Уходящий под воду «Ильмень» образовал огромную воронку, вместе со старпомом они, не меш-

кая, поплыли к шлюпкам. Невольно представляю себя на его месте: сумел бы я не поддаться панике, спасая собственную жизнь? Пока не знаю ответа, но в любом случае мой прадедушка – лучший пример храбрости и стойкости для меня.

К счастью для всех, капитан А. Могучий принял правильное решение – «идти на северо-запад, в район трассы обычного судоходства. До ближайшего берега было около двухсот миль». Спасено было тридцать четыре человека из сорока одного.

Моя бабушка вспоминала, как часто её отец кричал во сне: «Держись! Держись, сейчас откроем!» А когда приходил в себя, то говорил, что опять приснился страшный крик Спинова, начальника радиации, уходящего вместе с судном в пучину моря. Этого в книге нет, это знает лишь наша семья. Ещё мы знаем, по словам бабушки, что прадедушка любил шутки, розыгрыши... Даже вспоминая войну, он рассказывал о смешных случаях, а ведь столько ему пришлось пережить горя. Дома от его шуток всем становилось весело, он придумывал свои особенные имена родственникам: жену звал «Стёпанькой», младшую дочь – «Бомбошкой». Очень любил стихи, многие знал наизусть, читал запрещённого тогда С. Есенина... Прodelкам его не было конца. Даже на поминках люди не могли сказать что-либо подходящее траурному ритуалу, невольно улыбались, вспоминая его шутки.

Кроме того, он был трогательно нежным и заботливым, очень застенчивым человеком. Всегда спешил на помощь и по мелочам, и по серьёзным делам. Моя бабушка говорит: «Лёгкий, солнечный человек!»

Эх, я-то знаю его только по рассказам... Жизнь ему выпала трудная, как и всем, кто прошёл войну. Четыре раза тонул, потерял мать и сестру, долго разыскивал их после войны, получил официальное сообщение о их гибели, очень горевал, а потом узнал, что они живы, но свидеться так и не пришлось. Свою боль он умел глубоко прятать, не обременяя людей своими заботами.

Мне повезло родиться, потому что повезло выжить моему прадедушке. А сколько ИХ, молодых, сильных, замечательных людей, покоится на дне морском!

9 мая мы всей семьёй приходим к памятнику морякам Дальневосточного пароходства, подолгу стоим, каждый думает о своём. А я думаю, когда у меня самого будут дети, я расскажу им о нашем героическом прадедушке. И ещё я думаю, пусть исчезнет навсегда страшное слово «ВОЙНА».

ВНИМАНИЕ!

Только в августе и сентябре 2010 г. можно оформить подписку на 2011 год по **Льготным** ценам!

Подписка на ежемесячник «Литературный меридиан» осуществляется путём отправки соответствующей суммы **почтовым переводом** по адресу:

**692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.
Костылеву**

Владимиру Александровичу.

**6 месяцев — 260 рублей,
1 год — 460 рублей**

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

*По просьбам наших авторов публикуем номер банковского счета, на который можно перечислить средства на **СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «Литературного меридиана»***

ПЛАСТИКОВАЯ КАРТА

№ 4276 8500 9681 2919

в Арсеньевском отделении
СБЕРБАНКА России № 7718/7718

Получатель –

*Владимиру Александровичу
КОСТЫЛЕВУ.*

МЕДАЛИ С СЕРЕБРЯНЫМ ОТЛИВОМ – КОЛЛЕГАМ ИЗ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

На протяжении двух последних лет продолжается сотрудничество дальневосточного ежемесячника «Литературный меридиан» и литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни». Немало интересных материалов дальневосточников опубликовано на страницах старейшего сибирского издания. Журнал печатал публицистику Владимира Тыцких, критику Юрия Кабанкова, поэзию Геннадия Лысенко. В свою очередь «ЛитМ» поместил на своих страницах литературные обзоры Галины Ульяновой, посвящённые 80-летию со дня рождения писателя, актёра и режиссёра В.М. Шукшина, познакомил с творчеством Николая Березовского, других авторов, живущих за пределами Дальнего Востока. Взаимное сотрудничество продолжается.

Недавно пришло радостное известие от наших коллег из «Сибирский огонь». 19 июня одному из первых русских городов Сибири – Бийску – исполнился 301 год. Во время празднования Дня города состоялось торжественное вручение премий, учреждённых администрацией и общественными организациями Бийска.

Бийское отделение Демидовского фонда подвело итоги литературной премии «Белуха», носящей имя Георгия Дмитриевича Гребенщикова, великого русского писателя, уроженца Алтая, в тридцатых годах XX века выдвигавшегося на Нобелевскую премию, но отказавшегося от соискания в пользу Ивана Алексеевича Бунина. Решение таково: Лауреатом Всероссийской литературной премии «Белуха», учредителями которой являются Союз писателей России, администрация города Бийска и редакция альманаха «Бийский Вестник», в этом году стал старейший в России литературный журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ», г. Новосибирск, в номинации «Лучший журнал 2010 года, посвященный литературе, культуре, истории, современной жизни, делам и людям Урало-Сибирского региона».

Главой города Бийска Мосиевским А.В. и председателем городской Думы Громогласовой Л.Е. премия «Белуха» и памятные серебряные медали вручены главному редактору «Сибирских огней» **Берязеву Владимиру Алексеевичу**, заведующему отделом прозы **Попову Владимиру Николаевичу** и заведующему отделом поэзии **Михайлову Станиславу Геннадиевичу**. В ходе прошедшего праздника редакция провела творческие встречи в библиотеке им. В.М. Шукшина г. Бийска, а также в районных центрах Алтайского края, сёлах Красногорское и Косиха.

Редколлегия и читатели «Литературного меридиана» поздравляют медалистов с большим творческим успехом и желают в дальнейшем оставаться журналу таким же интересным, содержательным, передовым!

© **Литературный меридиан**

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Георгий НАЗИМОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № **ФС 77-33178** от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 4 печатных листа.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 26 июля в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.